

ВАЛЕНТИН
ПИКУЛЬ

БОГАТСТВО

Русско-японская война – Дальний Восток

Валентин Пикуль

Богатство

«ВЕЧЕ»

1977

Пикуль В. С.

Богатство / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», 1977 — (Русско-японская война – Дальний Восток)

ISBN 978-5-4444-8864-5

В романе «Богатство» открываются новые страницы отечественной истории, описаны колоритные личности и уникальная природа Камчатки.

ISBN 978-5-4444-8864-5

© Пикуль В. С., 1977

© ВЕЧЕ, 1977

Содержание

Часть первая	6
Прелюдия первой части	6
Выдвижение героя	12
Трамповый рейс	16
Вызванный взмахом сабли	21
Приходи, кума, любоваться!	25
Пушистая Камчатка	31
Первые толчки	37
Рыбья любовь	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Валентин Пикуль

Богатство

© Пикуль В.С., наследники, 2008

© ООО «Издательство «Вече», 2008

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Памяти профессора Михаила Алексеевича Сергеева, старейшего историка Русского Севера, который еще в пору моей молодости указал мне на богатую страну, где в цветущих долинах, осыпанных вулканическим пеплом, жили гордые и сильные люди, отвечавшие на оскорбление точным выстрелом.

Часть первая Расточители

*Тревожно спали у глухой воды,
Им снег и хвоя сътались на спины.
Им снились богдыханские сады,
Кричали золотогорлые павлины.*

Сергей Марков

Прелюдия первой части

(Иногда ему казалось, что все заблудшее сгинуло в былых ненастьях, но если случится нечто, тревожное и размыкающее его с пропащим прошлым, тогда жизнь, еще необходимая ему, вновь расцветится бравурными красками, словно тот карнавал, что отшумел на пороге зрелости...)

Новый морозный день начинался над Камчаткою.

Со двора, повизгивая, хозяина звали собаки.

Подкинув в руке тяжелый «бюксфлинт» дальнего боя, Исполатов ловко насытил его двумя острыми жалящими пулями, а третий ствол – для стрельбы картечью – он оставил пустым. Пышная оторочка рыжего меха обрамляла лицо камчатского траппера, жесткое и темное от стужи.

– Ну, я поехал! Провожать не надо.

Казачий урядник Сотенный скинул ноги с лежанки.

– Что ж, езжай. Когда свидимся-то?

– К аукциону приеду.

– А раньше?

– Нечего мне тут делать...

Зевнув, урядник крутанул ручку граммофона, расписанного лазоревыми букетами, в спину уходящему с трагическим надрывом пропела до хрипоты заезженная пластинка:

Все сметено могучим ураганом.

Теперь мы станем мирно кочевать...

Исполатов ногою захлопнул за собой дверь. Подминая снег мягкими торбасами, он спустился с крыльца. Поверх кухлянки из пыжика, пошитой мездрю наружу, похрустывала рубаха из грубой самодельной замши-ровдуги. Голову покрывал коряцкий капор с пришитыми к нему ушами матерого волка, которые торчали врозь – всегда настороженные, будто чуяли опасность.

Четырнадцать собак, застегнутых в плотные ездовые гужи, встретили повелителя голодным обрывистым лаем.

– Ти-иха! – сказал он им. – Кормить стану дома.

Потрепав за ухо вожака (по кличке Патлак), охотник приладил сбоку нарт неразлучный «бюксфлинт». Час был еще ранний. Авачинская сопка едва виднелась в туманной изморози. Исполатов не понуждал собак к быстрой езде, благо впереди лежал целый день, в конце которого его встретит на зимовье Марьяна, а собак – жирные ломти юколы. Возле бывшей фактории Гутчисона и К° он чуть придержал упряжку, чтобы глянуть на термометр. Ртутный столбик показывал потепление – всего 19 градусов ниже нуля... Был месяц март 1903 года!

На выезде из Петропавловска, среди развалюх-халуп, похожих на дровяные сараи, красовалась лавка колониальных товаров. Длинным остолом, визжащим по снегу, траппер затормозил упряжку. Впальми животами собаки улеглись в сугробы, а Патлак свернул хвост в колечко и уселся поверх него, как на подушку. Исполатов сказал жожаку, словно человеку, обыденные слова:

– Подожди меня, приятель. Я скоро вернусь.

В сенях лавки его перехватил изнеможенный от пьянства уездный чиновник Неякин, начал клянчить:

– Сашка, будь другом, продай соболька.

– Я всех сдал в казну.

– Не ври, – скулил чиновник. – Небось Мишке-то Сотенному привез. Ежели и мне соболька уступишь, так я тебе про явинского почтальона такое расскажу... ахнешь!

Отстранив забулдыгу, траппер шагнул внутрь лавки. Торговец без лишних слов снял с полки бутылку со спиртом.

– Чем заешь? – спросил дельно.

– Вчера с урядником согрешил, сегодня – баста.

– Чего заговелся?

– Дорога трудная. А груз большой.

– Много ль взял?

– Фунтов с тысячу. Даже копылья у нарт крякнули.

Лавочник глянул в окошко, на глазок оценив собак:

– За жожака-то сколько платил?

– Четыреста. Он нездешний – из бухты Провидения.

– За одну псину экие деньги... Ай-ай!

– Патлак того стоит. Он оборачивается¹.

– А ты-то как, Сашка? Тоже оборачиваешься?

– Редко.

– Оно и плохо! Не видишь, что у тебя за спиной творится... Шлюха она, твоя Марьянка! Где подобрал такое сокровище?

Исполатов, внешне спокойный, и отвечал спокойно:

– Подобрал во Владивостоке... прямо с панели. Сам знаешь, от одного парохода до другого, когда билет уже на руках, выбрать порядочную времени не остается. Вот и взял какая попалась. Жить-то ведь все равно как-то надо...

– Смотри сам. Но люди сказывают, что, пока ты по охотам шастаешь, к ней явинский почтальон навещается.

Исполатов сумрачно оглядел длинные полки, прогнувшиеся от тяжести колониальных товаров: виски, ром, спирт, противная японская сакэ... ну, и белая – Смирновского завода.

– Заверни конфет с начинкой. Фунтов десять, – сказал траппер. – Пряников дай. Да сунь бутылку рома в кулек.

– Пожалте, – хмыкнул лавочник. – Тока не пойму я тебя – нешто ж стерву свою конфетами голубить станешь?

– Это не ей. Мне надо завернуть в Раковую.

На лице торговца возникло недоумение.

– Храни тебя Бог, – сказал он. – Но помни, Сашка, что проказа не сразу в человеке проявляется.

¹ Жожак, который оборачивается назад, особенно ценится среди каюров. При неизбежных и частых падениях с нарт, которые могут кончиться трагически, жожек, заметив отсутствие хозяина, сам разворачивает упряжку назад и возвращается за человеком, спасая его таким образом от верной гибели. (Здесь и далее примечания автора.)

– Плевать! – Траппер шагнул из лавки на мороз. Собаки дружно поднялись, разом отряхнувшись от снега.

...Исполатов уже давно облюбовал для охоты нелюдимые загорья и заречья Камчатки, и он не любил, если его спрашивали – откуда родом, когда сюда пришел и зачем? Лишь изредка траппер навещал уездный град Петропавловск, где сдавал пушнину в имперскую казну, а закупив провизии для зимовья, снова надолго исчезал в до ужаса безмолвных долинах.

Слегка тронув потяг вожака, он сказал:

– Кхо!

Упряжка сразу взяла нарты, аллюром.

* * *

А недалеко от Петропавловска, на берегу бухты Раковой, затаилась от людей камчатская колония прокаженных. Здесь никого не лечили, только изолировали от общества, и, кто попал в бухту Раковую, тот, считай, пропал для жизни на веки вечные... Первый, кого Исполатов встретил в лепрозории, был его приятель – огородник Матвей. При виде траппера лицо прокаженного расплылось в улыбке:

– Сашок! Друг ты наш... вот радость-то нам.

Матвей протянул обезображенную болезнью руку, и она не повисла в воздухе – Исполатов крепко пожал ее. С разговорами поднялись в просторную избу-общезитие, появились в горнице и женщины, в основном старухи, но среди них была очень красивая камчадалка Наталья Ижева, полная молодуха с блестящими черными глазами, чуточку раскосыми. Исполатов распустил перед нею узорчатую шаль, купленную вчера в Петропавловске, накрыл ею плечи отверженной женщины.

– Это тебе... красуйся и дальше!

Здесь все были рады ему, как дети; траппер щедро оделил больных конфетами и пряниками.

– Будете чай пить и меня вспомните.

Протянув Матвею бутылку с ромом, он уловил трепетный взгляд Натальи Ижевой.

– Уходила бы ты отсюда, – сказал траппер девушке. – Нет ведь у тебя никакой проказы. Нет и никогда не было!

– Доктор Трушин сказывал, быт-то есть. Да и куда уйдешь? Меня и на порог-то не пустят. Уже порченая. – Она всплакнула.

Матвей со смаком распечатал бутылку.

– Ты, Наташка, не реви нам тут, а лучше сигай за стаканами. Дело серьезное. И потому огурцов подцепи из бочки...

Огурцы были такой величины – хоть в пушку их заряжай. В искусстве огородничества Матвею не было на Камчатке равных; умудрялся выращивать помидоры, мечтал об арбузах.

– В дорогу не пей, – сурово сказал он трапперу.

– Ладно. Пей сам, а я погляжу...

Выпив стакана два, Матвей его допытывал:

– Ты ж газеты читаешь, образованный. В науке-то что ныне слышать? Неужто нигде не напечатано, что хворобу нашу лечить научились? Или ученые энти самые дарма хлеб переводят?

Обманывать несчастных людей Исполатов не стал:

– Да что газеты! Ерунду всякую пишут...

– То-то и оно, – пригорюнился огородник. – Выходит, всем нам сообщка околевать тут... Ну-к, ладно. Я допью.

Опустошил бутылку до дна, всех баб выслал вон.

– Угостил ты меня славно! Спасибо, Сашка, что не презираешь нас, скверных... мы за тебя Бога молить будем.

– Стою ли я того? – отмахнулся Исполатов.

– Стоишь, родимый, стоишь...

Было видно – Матвею хочется что-то сказать, очень важное для охотника, но старик не знает, какие найти слова.

– Не томись, – разрешил ему Исполатов. – Режь!

– Люди болтают... всякое. Верить ли?

– Ты, наверное, о почтальоне. Так я уже знаю.

Прокаженный тяжело поднялся из-за стола.

– Не ездь сейчас, – попросил с тревогой.

– Поеду.

– Тогда ружье оставь. Я его приберу.

– Мне без ружья – как без воздуха...

Сказав так, Исполатов приударил об пол прикладом, и вдруг что-то тихо и внятно щелкнуло.

– Это у тебя? – показал Матвей на ружье.

Траппер осмотрел замки «бюксфлинта». С пулевыми стволами все было в порядке, а на картежном самопроизвольно сбросило курок, и, будь ствол заряжен, произошел бы выстрел.

– Поостерегись, – предупредил Матвей. – От такого самострела беда может случиться... живым не встанешь.

Исполатов и сам был огорчен сбросом курка.

– Ерунда, – утешил он себя. – Это случайно...

Обитатели лепрозория вышли проводить его. На этот раз траппер тщательно проверил укладку груза, заново перетянул крепления. По его экономным и точным движениям чувствовалось, что этот человек – как машина, никогда не знающая в своей деле срывов и дефектов. Наталья Ижева, стоя на крыльце лепрозория, кусала кончик дареной шали, и такая лютая тоска светилась в ее раскосом взоре, что Исполатов не выдержал – отвернулся...

Он вырвал из снега остол, упряжка взяла разбег, и, запрыгивая на задок нарт, охотник крикнул:

– Будем живы, так еще увидимся... Ждите!

* * *

Только сейчас собаки звериным инстинктом ощутили, что все трудности впереди. С первых же миль вожак диктаторски властно установил для упряжки размеренный ритм движения, который ни одна собака не осмелилась бы нарушить... Как и всегда в разгоне большого пути, то одна, то другая псина отскакивала в сторону на всю длину рабочего алыка, быстро облегчала желудок, после чего активно включалась в центральный потяг, во главе которого бежал неутомимый умница Патлак... Исполатов не всегда мог заметить, какая собака налегает в алык исправно, а какая только делает вид, что трудится. Но зато сами псы зорко следили один за другим, и оскаленные зубы рычащей стаи заставляли ленивца бежать с полной отдачей сил.

Случалось, что в горячке бега какая-то из собак перескакивала через потяг, мешая партнерам. В такие моменты Исполатов, не задерживая движения, двумя-тремя прыжками нагонял упряжку и, схватив виновного пса за шкуру, энергичным швырком перебрасывал его через потяг обратно на законное место. Каждый час траппер делал краткую остановку, чтобы собаки могли выкусать между когтей намерзшие ледышки. Упряжка давно шла с высунутыми языками, собаки часто лизали снег, но Исполатов не обращал на это никакого внимания, он

гнал их дальше, ибо высунутые языки и жажда – это лишь признаки напряжения, но никак не усталости.

Первые сорок верст прошли хорошо. Начинался самый сложный участок трассы – крутые взгорья, выпирающие из-под снега зубья острых камней и рискованные крутейшие спуски, на которых можно в два счета погубить упряжку и свернуть себе шею. Траппер скинул замшевую рубаху, опустил капор, – он остался с открытой головой, и мокрые от пота волосы быстро схватило морозным инеем. Теперь все зависело от его каюрского опыта, от мгновенной реакции вожака на команды.

- Кох, кох! – и вожак уводил упряжку направо.
- Хугг, хугг, хугг! – и нарты катились влево.
- Нига, нннга-а! – кричал Исполатов, приказывая замедлить бег...

Наконец и завечерело. В изложине меж гор открылась широкая долина – это его долина. Летом она будет стонать от шмелиного зноя, вся в удушье сладких высоких трав, а сейчас долина покоилась под синими снегами, тихо звеня от морозов. Далеко за распадком, словно желтый глаз хищника, замерцало окошко зимовья – это Марьяна зажгла керосиновую лампу. Что-то там мелькнуло, тревожа охотника. Моментально остол в снег: стопор! Исполатов достал из сумки полевой бинокль. Через его сильную оптику он видел, что от зимовья отъехала почтовая упряжка. Одним рывком траппер отдал крепления на нартах и весь груз опрокинул в сугроб. Теперь облегченные нарты пошли быстрее...

Явинский почтальон заметил погоню и, почуввав неладное, еще издалека начал орать Исполатову:

– Ты что задумал? Оставь меня по-хорошему... Оставь, говорю, иначе угроблю здесь – никто и костей не сыщет!

Было видно, как он всю лупит собак по головам концом своего остола. Исполатов часто дергал потяг, словно играя пальцем на туго натянутой струне, и эти подергивания тут же передавались на холку Патлака, который увлекал за собою упряжку. И хотя собаки почтальона были совсем свежие, все равно расстояние сокращалось... В руке соперника вдруг матово блеснул вынутый из чехла ствол винчестера.

– Отстань, каторжный! Чего привязался?

Первая пуля зыкнула над плечом траппера, вырвав клочок шерсти из его кухлянки. Не сводя глаз с противника, Исполатов левую руку по-прежнему держал на потяге, а с правой зубами стянул рукавицу. На ощупь отстегнул из петель «бюксфлинт». Последовал лишь один выстрел – почтальона вынесло с нарт, его упряжка, испуганно лая, скрылась в сумерках... Исполатов повернул обратно – к дому. Неторопливо двигаясь, он первым делом освободил собак из алыков, выпрыг вожака из потяга. Взяв горсть снега, съел его с жадностью.

Марьяна встретила его как ни в чем не бывало.

- Где-то стреляли, – весело сообщила она.
- Да. В деревню Явино почту провезли.
- Чего же почтальон палить удумал?
- Это я ему чем-то не приглянулся...

Исполатов по-хозяйски подкрутил коптящий фитиль лампы.

Чуточку оторопев, Марьяна спросила:

– Зачем же ему в тебя-то стрелять?

Охотник только сейчас посмотрел ей в глаза:

– Поди да спроси у него. Он в распадке валяется...

Женщина с криком выскочила прочь из зимовья.

Исполатов шагнул на мороз, когда Марьяна уже возвращалась со стороны распадка, неся в руке малахай с головы убитого. Ее шатало. Но, приближаясь, она стала бросать в сожителя слова – оскорбительные, как грязные трактирные плевки:

– Да мне во Владивостоке шикарные господа по червонцу платили, а ты... хуже лягушки! У-у, морда каторжная! Думаешь, я не знаю, откуда ты бежал? А сейчас хорошего человека загубил... Я тебя на чистую воду выведу. Ты у меня дождешься, что побегаешь с тачкой по Сахалину...

Собаки с мудрым отчуждением сидели неподвижно, никак не реагируя на людские страсти. Они равнодушно восприняли второй выстрел. Устало присев на краешек нарт, Исполатов молча наблюдал, как умирает короткий камчатский день.

Вожак не выдержал и с тихой лаской подошел к хозяину. Тот запустил пальцы в его густую шерсть на загривке.

– Ну что, брат? – с душевной тоской спросил он пса. – Тебе, я вижу, стало жаль меня... Ничего. Это тоже пройдет. Как прошло и то, что было давно.

С океана дунул ветер, он заворотил подол на убитой, обнажив белые стройные ноги, а поземка быстро-быстро заметала женщину снегом, сухим и жестким. Исполатов поднялся и начал кормить собак. На этот раз они получили от него юколы гораздо больше обычной нормы.

* * *

В этом коротком романе отражены подлинные события, но имена героев (за редкими исключениями) я заменил именами вымышленными.

Выдвижение героя

Андрей Петрович Соломин, редактор «Приамурских ведомостей», начал день с того, что устроил нагоняй своему токийскому корреспонденту Пуцыне, в прошлом киевскому шулеру, сосланному в места не столь отдаленные за неоспоримый и оригинальный талант никогда не бывать в проигрыше.

– Перестаньте из номера в номер писать свои статейки об успехах рыбопромышленной выставки в Осаке. Стоит ли восхищаться новыми орудиями лова, если вся наша лососина оказывается в японских или американских сетях?

– Но русский комиссар выставки Губницкий...

Соломин сразу же перебил Пуцыну:

– Я из него лепешку сделаю! Для кого он и статский советник, а для меня обычный гешефтмахер. Сейчас надо поставить акцент на визит в наши края военного министра Куропаткина, ораздите нерушимую мощь русских восточных твердынь, а относительно Японии дайте читателю понять: не посмеет!

Оставшись в кабинете один, Соломин взялся сводить счеты с Губницким, неприязнь к которому испытывал давно. Губницкий целых 30 лет управлял Командорскими островами, и за время его неусыпного «княжения» янки опустошили котиковые лежбища, облагодетельствовали алеутов скрипучими граммофонами, цветными рубашками ковбоев, одеколоном с неистребимым запахом псины и бутылками виски с очаровательным привкусом керосина. Губницкий с американского разбоя имел миллионы долларов, которые и рассовал по швейцарским и лондонским банкам. Теперь он барином проживал в Сан-Франциско, поговаривали, что в Россию уже не вернется, а в Петербурге не нашли никого лучше, назначив именно этого хапугу комиссаром русского павильона на Международной рыбопромышленной выставке.

Закончив писать и еще клопоча негодованием, Соломин кликнул секретаря, велел ему прочесть написанное:

– Гляньте, что у меня получилось.

Секретарь сказал откровенно:

– Вы напрасно так расчехвостили Губницкого.

– Разве он не заслужил этого?

– Но у Губницкого очень сильная рука.

– Рука... и какой же силы?

– Сам министр внутренних дел Плеве.

– Все равно, – распорядился Соломин, – спускайте статью в типографию, и пусть ее сразу же набирают...

Прибыла шанхайская почта. Из английской газеты, издающейся в Китае, Соломин установил, что Губницкий ведет в Токио странные переговоры: японцы договаривались с ним, чтобы в случае войны с Россией рыболовные промыслы в русских территориальных водах остались нейтральными.

– Что за бред! – возмутился Соломин. – Они будут с нами воевать, а мы за это, как последние дураки, станем еще и рыбкою их подкармливать...

Секретарь редакции принес адрес-календарь служебных чинов империи и показал загнутую страницу:

– Вот, смотрите сами... Вы устроили Губницкому раскардаш, а он, оказывается, уполномоченный от Министерства внутренних дел и самого дальневосточного наместника Алексева.

– Уполномочен? Ради каких же целей?

– Развития рыбных и зверовых промыслов.

– Точнее – разграбления их!

– Не спорю. Но здесь ясно написано, что Губницкий – один из директоров Камчатского торгово-промышленного общества.

– А я с Камчаткою дел не имею, – ответил Соломин и добавил с ухмылкой: – С Плеве тоже... избави меня бог!

Надев котелок, взял тросточку, проверил – есть ли в жилетном кармашке зубочистка.

– Пора обедать. Ну их всех к чертовой матери!

* * *

Андрей Петрович обедал на Протодяконовской улице в ресторане «Боярин», стараясь заказать что-либо подешевле. Это значит: фазан (таежный), рыбка (сахалинская) и винцо (из дикого уссурийского винограда). Тут его перехватил знакомый штабс-капитан из Управления Приамурским краем.

– Хорошо, что я вас встретил, – сказал он. – Его высокопревосходительство спрашивал о вас.

– Не знаете зачем?

– Наверное, намылят, побреют и освежат вежеталем «Сюрприз». Вы навестите Андреева – он у себя в резиденции.

Соломин поднялся вверх по Муравьево-Амурской улице – на взгорье стоял большой кирпичный дом генерал-губернатора края. Звонкие апрельские ручьи неслись по бульварным канавам.

Андреев принял его радушно, начав с некоторой игривостью:

– Не хотите ли побывать в роли восточного сатрапа?

– Упаси бог! Зачем мне это нужно?

– Не отказывайтесь. Я предлагаю вам Камчатку.

Он сообщил редактору, что зимою умер камчатский управитель Ошурков, и если там раньше не было порядка при начальнике, то без начальства люди совсем отбились от рук.

– Кто же правит Камчатским уездом?

– Сотенный... казачий урядник, – как-то стыдливо признался Андреев. – Впрочем, он и сам понимает глупость своего положения. Уездный врач Трушин, считая казака «узурпатором», тоже просится в начальники. Но я запретил доктору вмешиваться в дела, ибо он подвержен запоям и, по слухам, давно и всецело подпал под влияние местных спекулянтов пушниной.

Соломин, хорошо знавший дела края, напомнил Андрееву, что на Камчатке после смерти Ошуркова оставался его помощник – некто, если не изменяет память, Неякин.

– Увы, – отвечал Андреев, – я давно отставил Неякина за открытый грабеж меховой казны. Он еще в прошлую навигацию обязан был предстать перед судом во Владивостоке, но почему-то на материк не выехал... Получается у нас совсем как у Шекспира: «Не все благополучно в королевстве Датском!»

– Не все, – согласился Соломин, кивая...

Он сидел в кресле, ленивый после обеденной сытости; костюм редактора выглядел не ахти как притязательно, Андрей Петрович небрежно смахнул пепел с помятых брюк, слушая разглагольствования генерал-губернатора.

– Камчатка очень редко попадала в надежные и энергичные руки. Как правило, в Петропавловск сбывали все отбросы чиновничества. А у меня к вам, Андрей Петрович, просьба...

– Рад буду исполнить.

– Поезжайте в Петропавловск и в должности тамошнего начальника наложите на Камчатку тяжкую десницу справедливости и благоразумия... Вы там уже бывали?

– Наездами. В командировках.

– Каковы же ваши общие впечатления?

– Да как сказать... – Соломин даже поежился. – Знаете, когда на каждого мужчину приходится всего лишь одна пятнадцатая часть женщины, то нравы далеки от... версальских! Посудите сами: в Петропавловске триста пятьдесят душ, включая грудных младенцев, зато пять кабаков торгуют с утра до ночи – живи и радуйся! Коррупция местных богачей. Грабеж камчадалов и охотников трапперского пошиба. Всюду круговая порука...

– Вот и разберитесь, – сказал генерал-губернатор.

Соломину никак не хотелось бросать теплую редакцию (и ту самую даму, которая недавно появилась в Хабаровске, задев его холостяцкое сердце и растрепав ему нервы, без того уже основательно издерганные служебными невзгодами).

– Вы же мою натуру знаете, – сказал он. – Человек я горячий и, увидев зло, стану его сокрушать.

– Так и крушите, милый вы мой!

– Боюсь, и года не пройдет, как я вернусь с Камчатки, представ перед вами уже со свернутой шеей.

– Быть этого не может, – горячо заверил его Андреев. – Всею властью генерал-губернатора я встану на вашу защиту. – Генерал привлек его к себе и крепко прижал к мундиру, подбитому ватой. – Действуйте, как подскажет вам сердце. Я остановил свой выбор именно на вашей персоне, ибо знаю вас за бескорыстного и делового чиновника...

Соломин пошел к дверям, но задержался:

– У меня деликатный вопрос: в случае появления на Камчатке членов правления Камчатского общества – они должны подчинить меня себе или я сам вправе подчинить их своей юрисдикции?

Вопрос был довольно сложен, и Андреев, кажется, сознательно дал Соломину уклончивый ответ:

– Подчинить этих махинаторов вам не удастся. Но я не думаю, чтобы Губницкий и его коллега, барон фон дер Бригген, возымели дикое желание вмешиваться в ваши внутренние дела...

На улице Андрей Петрович невольно расхохотался: какой-то безвестный и наверняка безграмотный урядник управлял Камчаткою, в пределах которой могло бы свободно уместиться Великое королевство Италии или Англии!

Вернувшись в редакцию попрощаться с сотрудниками, Соломин полистал справочник акционерных компаний Российской империи – он догадывался, кто станет его врагом, а врага следует знать. Правление камчатской «обираловки» затаилось в Петербурге на Галерной, в доме № 49, где некие жуки Гурлянд и Мандель стригли купоны с камчатских рыбаков, трапперов, лесорубов и зверобоев. Основной капитал с имуществом 3 миллиона; стоимость каждой акции 187 рублей с копейками. Близ Петропавловска работает на компанию жирово-туковый заводик, в Усть-Камчатске тархтит консервная фабричка, общество торгует и на Командорах.

– Торгует, наверное, воздухом, – подсказал секретарь.

– Спиртом, черт поberi! – уточнил Соломин.

Со стороны вокзала истошно взревел локомотив – это из тайги вынесло транссибирский экспресс Париж – Владивосток.

Россия в рекордно короткие сроки, изумив весь мир, недавно закончила тянуть рельсы к берегам Тихого океана: колоссальная протяженность пути была как раз под стать народу-исполину. Всего за какие-то десять лет, орудуя исключительно лопатой и тачкой, русские люди свершили титанический трудовой подвиг, и потому слова «Великая Сибирская магистраль» писались тогда с заглавных букв...

Проводить его пришла на вокзал та самая дама, которую он оставлял в Хабаровске (и, кажется, навсегда). При робкой попытке поцеловать ее Соломину пришлось нырять головою

под громадный купол гигантской шляпы, поверх которой колыхались искусственные розы, давно и безнадежно облинявшие.

– Прошу тебя, – сказал он растерянно, – если я хоть что-то значу в твоей жизни, пожалуйста, не ездь в номера Паршина, где бывает этот... этот адвокат Иоселевич.

И потом всю дорогу ругал себя за эти жалкие слова.

* * *

Еще смолоду, претерпев немало жизненных крушений, Соломин приехал на Дальний Восток, едва освещенный слабеньким заревом экономического пробуждения, – край, где тигры выбегали на улицы городов, где каторга была главной колыбелью индустрии, где самыми доступными развлечениями являлись карты и водка, а беглые преступники держали проезжих в страхе божьем. Андрей Петрович быстро выдвинулся из среды искателей наживы и приключений, сумел не затеряться в беспутной толчее наехавших сюда аферистов разного ранга. Много лет он состоял чиновником особых поручений при генерал-губернаторах Приамурья и Приморья – при скандальном бароне Корфе, при крутом, но образованном Гродекове и прочих. По долгу службы Соломин изъездил весь Дальний Восток, разглядев в его чащобах много такого, что навсегда было сокрыто для властей имущих. На правах редактора официальной газеты Соломин ратовал за облегчение участи малых народов, живших среди невиданных богатств и погибавших в неслыханной нищете. Андрей Петрович публиковал статьи в газетах и журналах Центральной России, его избрали в члены Русского географического общества; имя Соломина было известно ученым-этнографам, экономистам и литераторам. Андрей Петрович был большой русский патриот не на словах, а на деле.

А попутчиками его до Владивостока оказались мичманы с крейсеров Сибирской флотилии, молодые люди с особым флотским шиком, щедро сорившие деньгами и юмором. Время в дороге прошло в увлекательных беседах, сотканных из рассказов анекдотического содержания. Уже подъезжая к Владивостоку, Соломин заговорил о мощи российского флота.

– До сих пор, – отвечали ему мичманы, – Россия не имела поводов обижаться на свой флот. Не посрамим его чести и сейчас. А что касается угроз самураев, так это нас не пугает, – Япония не посмеет!

– Вот и я такого же мнения, – сказал Соломин...

Вагон задержало на стыках переводных стрелок, и запыленный «микст», полмесяца назад покинувший Париж, вдруг окунулся в прохладную синеву амурских лиманов, свистом он разрезал тишину окраин, сплошь усыпанных белыми хохлацкими мазанками с рушниками на окнах. Паровоз катил к вокзалу – прямо к пристаням Золотого Рога... Это был блистательный и фееричный град Владивосток, в котором тогда бытовала житейская поговорка: «Для полноты счастья надо иметь русскую жену, китайского повара и японскую прислугу».

Трамповый рейс

После дороги он побрился в привокзальной цирюльне, украшенной вывеской: «Очень спасибо. Парикмахер Ту Ю Сю».

Владивосток – разнолик и разноязычен, как Вавилон.

На Океанской улице чистоплотные корейцы в белых одеждах уже торговали первой редиской. В синих чесучовых халатах по Державинской степенно шествовали мукденские купцы, их длинные косички волочились по земле, как тонкие крысиные хвостики. На Тигровой и Фонтанной мелькали жизнерадостные улыбки деловитых японцев, одетых по-европейски, а скромные и милые японки в цветных киримонэ мелко семенили по тротуарам... Всюду только и слышалось:

– Капитана, ходи покупай, моя десево плодавай, моя лучи товали, обмани нету...

В глазах пестрело от множества вывесок: массажисты и присяжные поверенные, аптекарские и консульства, бани и банки, ювелиры и торговля игрушками, продажа киотов и велосипедов, колбасы и пряников, пирожных и корсетов, унитазов и роялей, классы танцевальные и гимнастические. За проспектом Шефнера, в разнообразии проулков Маньчжурского, Японского и Тунгусского, близ пролетарских и матросских слободок, гуляли русские парни-мастеровые с тальянками, приладив к картузам букетики весенних фиалок. С базара прошел солидный рабочий депо, обстоятельный и даже суровый, он нес в голубеньком одеяле новорожденного, а молодая жена тащила корзинку с провизией. На Светланской элегантные инженеры-путейцы ловко подсаживали на коляски своих хохочущих дам, наряженных по последним модам Парижа во владивостокском универмаге Кунста и Альберса. И куда ни глянешь, всюду – матросы, матросы, матросы, матросы... Эти идут косяком, с мрачным отчуждением лузгая семечки, а между тем глаза их стреляют в сторону господских кухарок и расфуфыренных горничных. Властелинами в этой суতোлке – флотские офицеры, слегка презрительные к толпе гордецы, они чувствуют себя во Владивостоке подлинными хозяевами всего, что тут есть, и ответственными за все, что тут делается...

На пристани Эгершельда выяснилось, что пароход на Камчатку будет не раньше июня. Но есть шанс воспользоваться трамповым (то есть бродяжьем) рейсом «Сунгари», который прежде зайдет бункероваться в Хакодате, оттуда отправится на Командоры и уж только потом заглянет в Петропавловск... Соломину пришлось согласиться на этот неудобный трамп!

До выхода корабля в море он поместился в номерах на Алеутской, а обедал в «Золотом Роге» на Светланской, где ему импонировала прислуга – вышколенные официанты (сплошь из японцев). Однажды, когда Соломин разделялся с громадной клешней краба, к нему подсел бравый капитан 2-го ранга с рыжими бакенбардами, торчащими вроде рыбьих плавников, человек симпатичный и словоохотливый.

– Мне сказали, что я могу застать вас здесь в час обеда. Будем знакомы – Николай Александрович Кроун, командир канонерской лодки «Маньчжур». Волею судеб моя канонерка охраняет летом бобров и котиков, начиная от Командор до Берингова пролива. Чиниться и забирать воду ходим к вам – на Камчатку.

Соломин, естественно, спросил:

– А вы разве не бываете в море Охотском, дабы оградить Камчатку с западного ее побережья от японских хищников?

– У нас, – огорченно ответил Кроун, – не хватает угля и нервов, чтобы отбиться с востока от хищников американских, которые грабят нас почище самураев. Анадырские чукчи мне рассказали, что однажды янки доставили морем какую-то машину небывалых размеров и с великими трудностями утащили ее в тундру, где таинственно ковырялись в почве... Я догадываюсь,

что это была драга для добычи золота, а мы и ухом не повели. Приходи, грабь, режь – мы ведь не внемлем, и даже кровь с нас никогда не капает!

– Неужели в тех гиблых краях имеется и золото?

На этот вопрос Кроун отвечал вопросом:

– А разве мы знаем, что у нас имеется? Вы навестите хоть раз шалманы на Миллионке², там бродяга из-под полы предложит вам золотишко. Сразу дайте ему по зубам, и он сознается, что не украл, а намыл самым честным образом. Но где намыл? Он того не ведает, ибо в геодезии немошен, как теленок, а по тайге шпарит эдаким курсом – два лаптя правее солнышка. Бродят наши у черта на куличках, даже за Колымой...

Соломин движением бровей подозвал официанта, велел открыть бутылку французского шампанского марки «Мум» (русские называли его более выразительно: «Му-у-у...»).

– Выпьем за Камчатку! Я не пророк, но, может, не пройдет и сотни лет, как в этих краях возникнет удивительная жизнь, перед которой поблекнут все аляскинские клондайки и юконы.

Кроун поддержал тост с существенной поправкой:

– За Камчатку надо бы выпить чего-нибудь покрепче! Там все крепко скроено – и люди, и собаки, и вулканы, только жить там, извините, я не хотел бы... – Кавторанг куда-то поторапливался, стал прощаться: – Итак, до скорой встречи в Петропавловске. «Маньчжур» постарается оградить вас с востока, а уж со стороны моря Охотского... пардон, милейший, но с этих румбов вы отбивайтесь от японцев сами!

Перед отплытием Соломин навестил дантиста.

– Я прошу вас удалить мне зубы, которые, по вашему разумению, могут заболеть. Рвите без сантиментов.

Врач поковырял один зуб, потом другой:

– Вот эти можно еще полечить.

– Некогда. У меня билет на пароход.

– Куда же вы собрались?

– На Камчатку.

– Тогда все понятно... Ну, держитесь.

– А-а-а-а-а!!!

– Готово. С вас двадцать рублей.

– О-о-о-о-о...

«Сунгари» потянулся в море. На траверзе острова Аскольд пришлось наблюдать возвращение с тактических стрельб Тихоокеанской эскадры. Закованные в панцири путиловской брони, тяжело просели киями в глубину желто-черные витязи-броненосцы; кренясь, в отдалении затаенно скользили серые, словно их обсыпали золою, русские залихватские крейсера; в белых плюмажах рассыпчатой пены почти кувыркались узкие веретена миноносцев.

И, глядя на эту грозную фалангу российской эскадры, идущей домой в порядке двойного кильватера, Соломин еще раз с большим удовольствием подумал: «Нет. Никто не посмеет... побоятся!»

* * *

Сангарский пролив затянуло туманом, но капитан непостижимым для разума «фуксом» все-таки умудрился завести воюющий сиреню «Сунгари» в японскую гавань Хакодате.

² Миллионка – район в старом Владивостоке, нечто вроде Хитрова рынка в дореволюционной Москве; в кварталах Миллионной улицы располагались притоны, трактиры и опикурильни, там обитали гопники, воры и проститутки, скрывались беглые каторжники. Миллионка была уничтожена в конце 1920-х годов.

Первое, что заметил здесь Соломин, это чудовищный мастодонт британского броненосца, к теплой массе которого нежно прильнула изящно-кокетливая канонерка французов. С пристани вдруг окликнули Соломина по-русски, и он был удивлен, увидев на берегу давнего знакомого, – польского писателя Серошевского³, которого знал по Сибири с тех пор, когда тот был ссыльным революционером.

– Вацлав! Вот встреча... Как тебя сюда занесло?

Серошевский подозвал рикшу, велел садиться.

– Собрался было на Шикотан, да туманы – не сразу и доберешься. Я ведь якутов оставил, теперь изучаю племя айнов...

«Сунгари» брал в бункера уголь, и, чтобы избежать грязи и грохота лебедек при погрузке, Соломин разместился в гостинице. Серошевский объяснил ему правила поведения:

– Гопака не плясать, кулаком по столу не трахать, иначе этот гранд-отель рассыплется на массу лакированных палочек и бумажных ширмочек... Помни, что ты не в России!

Из окна Соломин видел здание христианско-православной церкви, возле нее колыхался русский флаг.

– Япония, – пояснил Серошевский, – ожидает визита военного министра Куропаткина...

Они поехали представиться русскому консулу Геденштрому. Консул был настроен пессимистически.

– Ну да! – сказал он. – Куропаткин приедет, но японцы перехитрят его, как глупого мальчика... Я-то знаю, что с западного фасада Японии убраны все мощные батареи, а в крепостях, которые посетит генерал, собрана музейная заваль. Отличные войска спрятаны внутри страны, Куропаткину покажут хилых солдат запаса, вооруженных допотопными кремниевыми ружьями. Весь броненосный флот Японии заранее выведен в океан и не покажется у берегов, пока наш министр отсюда не уберется...

Геденштром дал Соломину прочесть свое последнее донесение в Петербург. «Я опасуюсь, – сообщал он в МИД, – что все согласия с японцами о рыбных промыслах в наших водах, которые охраняются одной лишь канонеркой «Маньчжур», останутся мертвой буквой, исполнять которую японцы не станут...»

Андрей Петрович перевел разговор на охрану рыбных богатств Камчатки, на что консул реагировал с крайним раздражением:

– Вам бы, как начальнику этого берендеева царства, следовало знать о японском обществе «Хоокоогидайё».

– Что это значит? – спросил Соломин.

– С языка сакуры на языке родных осин это звучит так: «Патриотическое общество японской справедливости». Но за рекламой патриотизма ловко маскируется организация офицеров японского флота, готовая к захвату Камчатки.

Соломин подыскал вежливые слова для ответа.

– Японцы раса теплолюбивая, – сказал он. – Доказательством тому массовая скученность населения на юге Японии и пустыньность на севере страны. Как-то не верится, чтобы они пожелали зарыться в наши сугробы. Вы когда-нибудь, господа, видели японца, который бы катался на лыжах?

Серошевский засмеялся, а Геденштром сказал:

– Вы наивны! Члены общества «Хоокоогидайё» успели водрузить форты на островах Шумшу и Парамушир, которые вплотную подступают к берегам Камчатки... Когда вашу милость назначали в Петропавловск, вас предупреждали об этой угрозе?

³ В. Л. Серошевский (1858–1945) – известный ученый этнограф; знаток якутского быта, член Русского географического общества; после революции оказался в лагере Пилсудского. Его интересные книги печатались в дореволюционной России и в СССР.

– Впервые слышу, – сознался Соломин.

– Ради чего же вы едете на Камчатку?

– Чтобы навести там порядок...

Дипломат ответил недипломатично:

– Вот придут японцы, они вам наведут порядок!

Соломин и Серошевский покинули консульство.

– Я думаю, – сказал Соломин, – такая оценка событий Геденштромом происходит только из-за того, что он немец, а немцы не очень-то уверены в мощи России.

– Не заблуждайся, – ответил писатель. – Геденштром хотя и носит немецкую фамилию, но его предки со времен Екатерины жили в Сибири, этого срока вполне достаточно, чтобы основательно обрусеть. Обидно другое: в Петербурге от его донесений отмахнутся, как от назойливой мошкеры, а верить станут лишь Куропаткину, который убежден, что японцы «не посмеют»!

– Но я тоже убежден, что японцы не посмеют конфликтовать. Посмотри – какая Япония, и посмотри – какая Россия...

Будто в подтверждение этих слов, мимо них прозвенела по рельсам конка. Маленькие лошадки влекли крохотный вагончик, в котором, поджав ноги, сидели маленькие пассажиры.

– Муравьи еще мельче, – съязвил Серошевский. – Но заметь, как они активны в труде и как отлично атакуют соседние муравейники... Лилипутам ведь удалось связать Гулливера!

После этого они крепко поругались и разошлись.

Вечером, тихо подвывая сиреной, «Сунгари» потянулся в океан. Соломин заметил, что пароход плывет в окружении множества фонариков – то справа, то слева вспыхивали в ночи разноцветные огоньки. Это уже тронулись на север (в русские воды!) пузатые японские шхуны с обширными трюмами, в которых ничего не было, кроме запасов соли и пустых, как барабаны, бочек.

Капитан, выйдя на палубу, сказал Соломину:

– Порожняк-то идет легко! А вы бы посмотрели, что станет с ними в августе, когда они повернут обратно. Тогда осядут в море до кромки фальшбортов, по горло облопавшись нашей лососиной. Даже плывут с трудом – едва тащатся, словно беременные клопы.

– Сколько же их плавают в наших водах?

– Вряд ли когда-либо мы это узнаем...

Да! Япония так и не раскрыла статистики прибылей от своего пиратства. Можно лишь догадываться, что ее бурный экономический взлет, ее верфи и доки, ее могучие бронированные эскадры – все это отчасти сложено из консервных банок с камчатским лососем, сооружено на бочках с драгоценной русской икрой.

По левому борту «Сунгари» проплывали темные Курильские острова. Капитан обещал, что если ничего не случится, то через пять суток прямо по курсу откроются Командоры.

* * *

После захода в Хакодате выяснилось, что немало разных людей и людишек нуждаются в посещении Камчатки и Командорских островов. Каюты «Сунгари» заполнили русские рыбопромышленники, скупщики и перекупщики пушнины, американские бизнесмены, какие-то нахальные немцы из германской колонии Кью-Чжао и много говорливой японской молодежи. За столом кают-компания Соломин оказался соседом одного пожилого янки.

– Вы в Петропавловск? У вас там дела?

Американец не стал делать из этого тайны:

– Я боюсь опоздать к открытию аукциона.

– Какого аукциона?

– Меха, конечно...

Соломин не афишировал среди пассажиров своего официального положения, а потому два камчатских купца, Расстригин и Папа-Попадаки, вели себя как их левая пятка пожелает. Первый был нетрезвый ухарь цыганистого вида с дурными замашками денежного туза, а второй – сомнительный «греческий дворянин», променявший торговлю зерном в Таганроге на спекуляцию мехами камчатских раздолий. Оба они задержали стюарда придирами, требуя от него «особого почтения». Соломин оказался в одной каюте с двумя молодыми студентами – Фурусава и Кабаяси, которые плыли на Командоры ради совершенствования в русском языке.

– Странно! – заметил он. – На Командорских островах, где живут триста семей алеутов, можно, скорее, совсем разучиться говорить по-русски, нежели познать его во всех тонкостях. Кто надоумил вас спрягать наши глаголы на Командорах? Поезжайте в Рязань или на Тамбовщину, а здесь вы услышите сильно искаженную речь, и даже вальс в этих краях почему-то называют не иначе как «восьмеркой».

Студенты промолчали, но потом в разговоре с ними неожиданно всплыло имя командорского сюзерена Губницкого.

– Так его здесь давно нету, – сказал Соломин. Судя по всему, японцы и без его подсказок знали, что Губницкого следует искать в Сан-Франциско, и все время плавания Андрей Петрович не мог отделаться от впечатления, что эти скромные японские студенты внимательно его изучают.

Белыми шапками гор открылись Командоры; в редких снежных пропелшинах выступала скалистая почва. Горько было видеть пустые лежбища котиков, которые раньше оглашались могучим и страстным зовом сивучей в их необъятных гаремах. Правда, возле борта «Сунгари» весело купалась самка калана. Она лежала спиной на воде, маленький детеныш возился у ее груди. Мать сильными лапами высоко подбрасывала сыночка кверху, потом ловила его в нежные объятия. От этой игры в трагическом одиночестве – без стада! – было совсем нерадостно. Соломин понимал, что и эта семья – не жильцы на свете, ибо янки охотятся за каланами с такой же неумолимой алчностью, с какой китайские бродяги ищут корни загадочного женьшеня.

Глядя на разоренные берега, Андрей Петрович снова помянул худым словом Губницкого, который безнаказанно и подлейше разбазаривал командорские богатства. «Сунгари» сделал две-три незначительные выемки груза из трюмов и, высадив редких пассажиров, поспешно вобрал в клюзы грохочущие якоря, облепленные придонной живностью. Капитан посулил, если ничего не случится, через два дня быть в Петропавловске.

Скоро по курсу завиднелись камчатские берега. Конусы вулканов издали были похожи на сахарные головы, которые вечерняя мгла аккуратно заворачивала в синюю бумагу. Петропавловский маяк, стоявший при входном створе Авачинской бухты, послал навстречу кораблю короткий, тревожащий душу проблеск, – Соломину вдруг стало печально... Нечаянно вспомнилось детство, бабушкин пахучий малинник и старые вязы под окнами вологодской гимназии. Вспомнил Соломин и тот отчаянный рев, который он издал, получив по латыни единицу, за что учитель пересадил его на заднюю парту: «Прошу вас... на Камчатку!» В памяти возник и желчный учитель географии, который, долбя указкой по темени, внушал бестолковым отрокам: «Запомнить размещение Камчатки совсем нетрудно. С простуженного носа Чукотки всегда свисает длинная капля – это и есть искомая нами Камчатка!»

Вызванный взмахом сабли

Без карты нам, читатель, все равно не обойтись...

Курильские острова – будто нитка ожерелья, которую туго натянули между Японией и Камчаткой; на севере Парамушир и Шумшу почти касаются камчатского мыса Лопатка, а два самых южных острова (Шикотан и Кунашир) присоседились к земле японцев.

Красочная гирлянда из бусин-островов отгородила от океана Охотское море, в котором образовался мощный природный холодильник с суровым климатом. Зато на Южных Курилах было все, что нужно человеку: от бамбука и кедра до красной смородины и сытных белых грибов. Непуганый зверь вылезал из моря на лежбища столь плотными массами, что ряды верхние насмерть раздавливали пищащих зверей в рядах нижних...

Давным-давно на Курилы пришла русская жизнь, – из самых недр России, через чащобы и горы, явились крепкие бородатые мужики и статные светло-русые жены.

Вставали с плачем от ржаной земли,
Омытой неутешными слезами.
От Костромы до Нерчинска дошли —
И улыбались ясными глазами.
.....
Хвала вам, покорители мечты,
Творцы отваги и жестокой сказки.
В честь вас скрипят могучие кресты
На берегах оскаленных Аляски.

Текло время. Курилы трясло в землетрясениях, вулканы извергали багровую лаву, стенкой вставали волны цунами, но, пережив бедствия, русские кутьей поминали павших, рожали новых курильцев – и вольготная жизнь не замирала. Прямо в Великий, но совсем не Тихий океан гляделись окошки изб, с удалю звенели молоты в кузницах, на огородах блеяли козы, мужики ладили крепкую мебель, курильцы плавали в гости с острова на остров, словно из одной деревни в другую.

Над Курилами горланили по утрам русские петухи!

Так и жили до 1875 года, когда в Петербурге рассудили за благо обменять с японцами Курильские острова на южную часть Сахалина, где решили создать каторгу – нечто вроде «русской Кайенны». Курильцы покинули свою огнедышащую колыбель: кто подался на Камчатку или на Сахалин, а кто махнул под парусом еще дальше – на матерую таежную землю; там вокруг юных городов, Владивостока и Благовещенска, Хабаровска и Николаевска, быстро складывалась златокипящая сумбурная эпопея.

На опустевшие Курилы высадились сыны богини Аматерасу и в ненависти – никому не понятной! – по бревнышку разнесли все поселения, уничтожили коптильни и кузницы, даже кресты на могилах сожгли, а кладбища затоптали, как и огороды, чтобы на земле Оку-Эзо не осталось следа от прежних хозяев. Алеуты спасались от пришельцев бегством на далекие Командоры, а одинокие семьи айнов японцы насильно эвакуировали на Шикотан, в ту пору уединенный и совсем необитаемый; там айны начали быстро вымирать...

Но это еще не история – это лишь начало истории!

И в ту ночь, когда Соломин с палубы «Сунгари» разглядывал призрачные фонарики японских кораблей, он не знал (да и не мог знать!), что неподалеку от него режет черные волны одинокая шхуна – самая роковая для русской Камчатки. Я не выяснил, читатель, как звучало название шхуны по-японски, но в переводе на русский язык она называлась так:

«Вихрь, вызванный взмахом сабли».

* * *

Все японцы – тонкие лирики, а имена их кораблей напоминали заглавия поэтических сборников: «Ветер над уснувшим прудом», «Свет месяца, пробивающийся сквозь тучи», «Молодые зеленые побеги вишни» или «Первый созревающий овощ»...

Шхуна, привлекая наше внимание, была обычной 120-тонной шхуной, каких немало бороздили дальневосточные моря. На двух пружинистых мачтах она несла косые паруса, причем грот-трисель (на корме) был гораздо шире фортриселя (в носу), отчего шхуна часто рыскала к ветру, а два матроса возле штурвала все время прилагали усилия, дабы удержать ее на курсе.

Вся жизнь корабля заключалась в двух рубочных надстройках на палубе. В кормовой рубке селилась команда, там было темно и смрадно, вповалку лежали подвахтенные матросы, одетые в непромокаемые комбинезоны, вымоченные перед плаванием в бочках с олифой. А носовая рубка, собранная из досок красного дерева, была украшена изящной отделкой. В углу каюты помещался жертвенник, похожий на шкафчик с откидными дверцами, которые при сильной качке непрестанно хлопали, отворяясь и закрываясь. При этом внутри кумирни статуэтка Будды с тонкими пальцами то показывалась, то исчезала. По бокам рубки дымились ароматные курильницы, тихо звякали тарелочки для священных жертвоприношений. В центре циновки-татами был привинчен к палубе ящик жаровни, подле него лежали медные стержни для тщательного ухода за жизнью огня, что слабо теплился в раскаленных углях. Возле очага – подушка, обтянутая шелком, а на подушке сейчас восседал и он сам – тоже вызванный взмахом сабли...

Это был лейтенант японского флота Мацуока Ямагато.

Сабля, вызвавшая его к жизни, была саблей самурая!

И каждый раз, когда при крене сами собой открывались дверцы кумирни, Ямагато громко хлопал в ладоши, склоняя голову в знак особого почтения к бессмертному духу своих предков-сёгунов. Чуткий слух офицера улавливал сейчас все, что нужно для опытного моряка, и даже злобное шипение воды, сбегавшей с палубы через узкие шпигаты, словно крысы в узкие норы, – даже этот звук был ему приятен...

Мацуока Ямагато – основатель «Патриотического общества японской справедливости» («Хоокоогидайё»), о котором консул Геденштром предупреждал Соломина. Главным пунктом устава этого общества был завет: «Держать своих людей в готовности для военной службы в прилегающих морях ввиду близкого столкновения с Россией!» Японские газеты присвоили лейтенанту Ямагато почетный титул «защитника северных дверей». Где эти «двери» – никто в Японии толком не знал, но Ямагато показывал на Камчатку. «Япония, – возвещал он через газеты, – должна повелевать не только теми местами, которые она издревле занимает, но и теми, которые еще не занимает...».

Вибрируя мачтами, шхуна снова влезла на высокую волну и сверглась вниз, поскрипывая хрупкими сочленениями корпуса. При этом самурайский меч, висевший на переборке, сначала отодвинулся от нее, а потом звонко брякнулся о красные доски. В такие бурные ночи хорошо вспоминать прошлое... Десять лет назад Ямагато вызвал в Японии большое волнение, когда из бездомных рикш и бродячих матросов начал формировать население Курильских островов, должное заменить ушедших оттуда русских. Корабли с переселенцами провожали трескотней праздничных хлопушек, сам микадо благословил колонистов в трудную дорогу. За время пути морем лейтенант завел среди колонистов жестокие порядки. Владея древними секретами самураев, Ямагато одним уколom вытянутого пальца укладывал на палубе запертво любого деревенского богатыря... Уже давно исчезли за кормою оазисы Южных Курил, где над полянами

порхали бархатные махаоны, а корабли с переселенцами плыли все дальше на север! (Не понимаю, почему это плавание заняло у них целых три года – с 1893 по 1896 год.) Наконец, скованные стужей корабли пристали к берегам угрюмого острова Шумшу – по-японски он назывался Сюмусю. Отсюда лишь узенький пролив отделял озьябших конкистадоров от русской Камчатки.

– Скоро мы будем и там! – провозгласил Ямагато...

Прошли годы. В гавани Маёроппу сделалось тесно от обилия рыбацких шхун, на Шумшу запыхтела паром консервная фабрика. В длинных бараках, облицованных гофрированной жестью, ютились переселенцы, считавшие себя рыбаками, но которых лейтенант упрямо именовал воинами божественного микадо. Именно здесь Ямагато планировал грабительские маршруты своих флотилий в воды Камчатки и Командорских островов. На скользких морских перепутьях часто сталкивались две жестокие экспансии – японская и американская, при встречах соперников иногда возникала дикая кровавая поножовщина.

Но каждый поступок Ямагато был заранее одобрен в Токио, а каждый замысел самурая правительство подкрепляло финансами. Все складывалось замечательно для «Хоокоогидайё», пока в Японии не узнали, что на Курилах возникла своеобразная военизированная каторга. Газеты Японии, США и России писали о жестокой эксплуатации рыбаков, подчиненных законам дисциплинарной казармы. Ямагато не стал опровергать своих обвинителей. Незаметно для всех он отплыл во Владивосток, где и открыл на Кутайсовской доходную прачечную. Там у него с утра до ночи перемывали русское белье пять корейцев и восемь китайцев, тринадцать бессловесных рабов, которых он терроризировал приемами джиу-джитсу. Но иногда лейтенант сам брал корзину с бельем. На шампуньке он развозил по кораблям Тихоокеанской эскадры офицерские сорочки с накрахмаленными манжетами и щегольские воротнички с лихо загнутыми лиселями. Русские не обращали внимания на трудолюбивого и вежливого японца, зато японец хорошо разбирался в том, что происходило в каютах и на палубах кораблей.

Когда скандальный шум вокруг его имени затих, Ямагато снова вернулся на Курилы, а явный милитаризм «Хоокоогидайё» прикрыла торговая компания «Энкуисюу суисан кумиан», которая поставляла такие плотные сети, что в их ячейки не могла проскочить даже самая тощая селедка. Под вывеской этой фирмы на Шумшу-Сюмусю появились кадровые солдаты и артиллерия. Тут все было готово, чтобы, как писал Ямагато, «сделать Камчатку землей микадо, а население привести в покорность Японии»...

Шхуна снова рыкнула по ветру, сильная волна двинула ее в скулу, было слышно, как у штурвала ругаются рулевые. Рывком отворились дверцы кумирни, Будда качнулся, словно падая навстречу самураю, который при этом опять хлопнул в ладоши. Еще ничего не было решено, но вскоре должно решиться. «Вихрь, вызванный взмахом сабли» пронзал черное пространство. С верхнего дека, громохкая деревянными гэта, в каюту лейтенанта вошел боцман в желтой робе и, вежливо шипя, доложил, что слева остался Симушир, на котором не мелькнуло ни одного огонька.

– Все огни светят на Сюмусю, – ответил Ямагато...

Странно, что многое сейчас зависело от Губницкого!

Фурусаву и Кабаяси, прибыв на Командоры, не замучили себя изучением у алеутов русских глагольных спряжений. Прошедшие отличную практику шпионажа в закрытой школе «Гэньёся», они действительно владели русским языком. Начав его освоение в Ханькоу на службе в торговой фирме Чурина, они отшлифовали чистоту произношения во Владивостоке, где японцы давно держали платную школу джиу-джитсу для офицеров русской эскадры.

Фурусаву и Кабаяси вели себя в России совершенно свободно благодаря ротозейству русской контрразведки. А их мудрый начальник Мицури Тояма с цифрами в руках наглядно доказал, что еще ни один из его агентов ни разу не провалился, а все, кого он вычеркнул из своих списков, умерли естественной смертью, сделав себе харакири.

– И погребены с честью, – напомнил Тояма...

Когда «Сунгари» ушел в Петропавловск, к берегам Командорских островов причалил американский транспорт «Редондо», приписанный к порту Сан-Франциско, и Фурусавы с Кабаяси сразу же заняли отведенные им каюты. «Редондо» был зафрахтован Камчатским торгово-промышленным обществом, и японцы чувствовали себя в полнейшей безопасности... Через несколько дней тайные агенты Мицури Тоямы, сразу после командорской стужи, окунулись в знойное пекло Калифорнии, японцев ослепил белый камень особняков Сан-Франциско.

В переполненном трамвае они подъехали к богатому отелю, расположенному посреди пальмовой рощи. Как и следовало ожидать, в вестибюле гостиницы их ожидал дородный господин с величавыми манерами человека, привыкшего повелевать, – это был Губницкий! Все трое молча поднялись в номер, где под потолком неустанно намахивал прохладу пропеллер электроспанкера. Но японцы еще обливались потом, и тогда Губницкий резкими жестами бросил каждому из них по вееру.

– Итак, – сказал он, – я вас слушаю...

Под линзами его очков сверкали беспокойные глаза – глаза, о которых Мицури Тояма однажды заметил, что они у Губницкого в десять раз больше его желудка. Фурусавы и Кабаяси, обмахиваясь веерами, дали понять, что для захвата Камчатки уже приготовлено полмиллиона японских иен. Из этой внушительной суммы 250 000 иен выделило правительство, а другую половину собрали между собою патриоты «Хоокоогидайё».

Думай, Губницкий, думай! Полмиллиона иен на земле не валяются. Тебе, сукину сыну, начинавшему жизнь почти без штанов, тебе, который считал за благо преподавать чистописанное в гимназиях Одессы, ведь тебе сейчас очень много надо... Да и стоит ли сожалеть о захудалой Камчатке, озаренной работой вулканов, если ты давно живешь и процветаешь в благодатном раю Сан-Франциско... Так думай, мерзавец, думай!

Губницкий, усмехнувшись, подлил японцам виски. Они поблагодарили его оскалом крепких зубов, и каждый щипчиками положил в свой бокал по кусочку прозрачного льда.

– Ваш добрый друг, лейтенант Ямагато, – сказал Кабаяси по-русски, – сожалеет, что не мог повидаться с вами в Осаке на выставке, и спрашивал о вашем драгоценном здоровье.

Понятно, что речь шла о «здоровье» Камчатки.

– Передайте лейтенанту Ямагато, – отвечал Губницкий по-английски, – что камчатские рыбные промыслы сохранят желательный для Японии нейтралитет, а в случае, если возникнет затруднительная для Ямагато ситуация, я прибуду в Петропавловск сам...

После ухода японцев Губницкого навестил барон фон дер Бригген, не знавший, что его коллега по дешевке продает Камчатку японцам, и потому Бригген, придерживаясь иной ориентации, давно торговался о продаже Камчатки американцам.

– Штаты, – намекнул курляндский барон, – никогда не смиряются с усилением Японии на Тихом океане, и России нет смысла терять Камчатку даром – она может получить за нее деньги, как получила их в свое время от продажи американцам Аляски... В конце концов, – умозаключил Бригген, – Россия такая обширная страна, что для нее ампутация Камчатки будет безболезненна.

* * *

«Вихрь, вызванный взмахом сабли» причалил к Шумшу. Впрочем, Ямагато прав: еще ничего не было решено.

Приходи, кума, любоваться!

Был рассветный час, когда «Сунгари» вошел в Авачинскую бухту, миновав узкий пролив, стиснутый песчаной косой, и очутился в уютном ковше внутренней гавани; взору открылся Петропавловск – одна-единственная улица с двумя церквами и пятью кабаками, домишки и сараи карабкались по склонам холмов все выше. На крышах еще лежал снег. Петропавловск досматривал приятные сны.

– Сейчас мы их разбудим, – сказал капитан.

«Сунгари» издал протяжный рев, на который все собаки (а их в городе было немало) ответили бесшабашным лаем. Город проснулся. К пристани сбегались впопыхах одетые люди, чтобы встретить первый в этом году пароход, приплывший из теплых краев, где давно отцвела пахучая вишня... Матрос шмякнул с высоты борта на доски пристани тяжелый кожаный мешок.

– Полетучка, – сказал он Соломину, подмигнув.

«Полетучкой» здесь называли почту. Нового начальника никто не встречал – так и надо! Ведь телеграфа здесь не было, и никто на Камчатке не знал о его приезде. Приехал – ну и бес с тобою, видали мы таких...

* * *

Соломину досталось от предшественника 47 000 казенных рублей, которые были заперты в сейфе, страшная неразбериха бумаг в канцелярском шкафу и... сетка от москитов. Через день он в своем столе обнаружил еще недоеденный кусок засохшего пирога со следами зубов покойного Ошуркова – вот и все!

Андрей Петрович решил не снимать квартиру в городе, а занял две казенные комнатки, что примыкали к канцелярии уездного правления. Напротив же присутствия размещалась винная лавка, и там до утра черти окаянные заводили граммофон:

Все пташки-канарейки
Так жалобно поют.
А нам с тобой, мой милый,
Разлуку подают.
Разлука ты, разлука,
Ра-адная ста-а-рана...

– Чтоб вы треснули со своей цивилизацией! – в сердцах говорил Соломин, но ругаться в трактир все-таки не пошел...

Невыспавшийся, он лежал в постели, закинув за голову руку с дымящейся папиросой, мучительно переживал свое положение.

В пустых комнатах звонко тикали старые ходики.

«Зачем я, дурак, согласился ехать в эту дыру?..»

Петропавловск расположен на той же широте, на которой лежат Оренбург, Саратов, Чернигов, Варшава и Лондон. Но разве найдется смельчак, чтобы сравнить бытие в Петропавловске с кипучею жизнью этих городов? Соломин впал в глухое оцепенение, никак не свойственное ему. Первые дни буквально тошнило от вида пустынных пристаней и серых пакгаузов, вызывали содрогание дома обывателей, давно бы упавшие набок, если бы их с гениальной сообразительностью не подперли бы бревнами.

Будь Соломин алкоголиком или ханжой, его, наверное, умилил бы ухоженный вид кабаков и храмов божиих – эти строения резко выделялись на общем мерзостном фоне запустения. Но в этот фон удивительно вписывались и памятники командору Берингу, уплывшему с Камчатки к берегам Америки, и геройским защитникам Петропавловска в Крымской кампании, когда жители отразили нападение англо-французской эскадры... Камчатка, как это ни странно, имела славное боевое прошлое!

– Ну что ж, – сказал Соломин сам себе, – существует только один способ начать – это взять и начать...

Утром он занял место в канцелярии присутствия.

– Странно! Когда во времена Екатерины в Петропавловск приплыл Лаперуз, жители дали в его честь бал – самый настоящий, с пальбою из пушек и музыкой. Я попасть на бал не рассчитывал, но со мною никто даже толком не поздоровался...

Свое недоумение он выразил пожилому чиновнику канцелярии Блинову, который ответил, что Лаперуз тут ни при чем:

– Бывало, не успеешь имя-отчество начальника затвердить, как вдруг – бац! – его на материк, шлют нового. А новый-то приплыл, наорал на всех, так что мы обкламшись ходим, потом соболей чемодана два нахапал и – туда же... яблоки кушать. А мы тут загораем... Так еще подумаешь – стоит ли здороваться?

Это было сказано чересчур откровенно, и Блинов, опрятный чинуша, вызвал у Соломина симпатию.

– Но покойный-то Ошурков долго у вас пробыл.

– Знал, с кем дружбу водить.

– С кем же? – притворился Соломин наивным.

– А хотя бы с Расстригиным... Чем плох?

– А чем он хорош?

– Да тем и хорош, что плох, – намекнул Блинов. – Мимо него ни одна чернобурка на аукцион не проскочит... Извольте знать, сударь, что на Дальнем Востоке нет Мюра и Мерилиза, как в Москве, нет и Елисеева, как в Петербурге, зато есть Кунст и Альберс во Владивостоке, а эти магазинщики понимают, сколько шкур спускать с нашей Камчатки...

Так. Один факт есть. Пойдем дальше:

– Ну а чем знаменит Папа-Попадаки?

– Этот по бобрам ударяет... чикагские господа очень уж до наших бобров охочи. Папа и семью в Чикаго держит...

Кое-что уже прояснилось. Андрей Петрович сказал:

– Господин Блинов, вы, я вижу, человек прямой. Ведь не может быть, чтобы вас такое положение устраивало?

Блинов и ответил ему – откровенно:

– А кому здесь надобно мое мнение? Да и что толку, ежели я, расхрабрившись, писк издам? Тот же Расстригин с Папочкой меня, будто клопа, на стенке распнут... Потому и молчу. Я, сударь, – добавил он, воодушеваясь, – уже двадцать лет без передыха вот тут корячусь – и все ради сына! Когда он выйдет в драгоман⁴ при дипломатах, тогда... ну, пискну.

– А где ваш сын учится?

– Сережа-то? – расцвел старик. – Уже на третьем курсе в Институте восточных языков во Владивостоке... Не шутка!

– На каком факультете?

– На японском. Вот жду... обещал навестить.

⁴ Драгоман – переводчик при посольствах в восточных странах.

С крыши правления, грохоча, скатилась лавина подтаявшего снега, вызвав лай ближних собак, а потом, не разобравшись, в чем тут дело, лай подхватили соседние псы, и скоро весь город минут десять насыщался собачьим браво-брависсимо. Поразмыслив, Соломин сказал, что надеется избавить камчадалов от засилья местных торгашей.

– Меховой аукцион будет проводиться честно!

Блинов не очень-то деликатно махнул рукою:

– Был тут один такой. Так же вот рассуждал.

– И что с ним потом стало?

– Да ничего особенного. С ума сошел. Когда его увозили на материк, он за каждый забор цеплялся, кричал и клялся, что он этого дела так не оставит... Матросы его, сердешного, от Камчатки вместе с доской отклеили. С тем и уехал!

– А где он сейчас? Вылечился?

– Сейчас в Петербурге. Тайный советник. Департаментом государственных доходов ведает... Такому-то чего не жить?

– Это смешно, – сказал Соломин, не улыбувшись.

* * *

Словно почуяв, что начальник решил взяться за дело, урядник Мишка Сотенный явился сдать ему эти дела. Соломин ожидал встретить рыжего дядьку с бородой до пупа и шевронами за выслугу лет до самого локтя, а перед ним предстал бойкий казак лет тридцати со смышленным лицом.

Соломин решил сразу поставить его на место:

– Ты где шлялся эти дни, не являясь ко мне?

Не робея, казак объяснил, что, пока держится твердый снежный наст, он на собаках смотался к Охотскому морю – до деревни Явино, где недавно пропал почтальон.

– Упряжка вернулась, а нарты пустые, был человек, и нет человека. Приходи, кума, любоваться!

Помня о притязаниях уездного врача Трушина на пост начальника Камчатки и зная, что в Петропавловске немало противников урядника, Соломин сменил гнев на милость:

– Ну, садись, узурпатор окаянный. Сейчас я «мокко» заварю. Ты когда-нибудь «мокко» пил?

– А как же! – последовал ответ.

– Где?

– Конечно... в Сингапуре. Бывал и в Японии, – сказал Мишка. – Жить, не спорю, и там можно. Но больно уж комары у них дикие. Летают, стервы, понизу и, ровно гадюки, хватают за ноги. Жрут так, что ажно слышать, как они чавкают...

Пришлось удивиться и признать, что урядник человек бывалый. Во рту его, поражая воображение, сверкал золотой зуб.

– Это мне в Шанхае вставляли, – похвастал он.

Помимо золота во рту, он имел на груди «Георгия».

– А за крестом ты куда ездил?

– Это мне за китайцев дали. Слыхали, чай, о «боксерах»? Они несколько ден подряд Благовещенск из-за Амура пушками обстреливали... Вот с ними и дрался.

– Не «боксеры» ли тебе и зуб выставили?

– Наш выставил... хорунжий. Я сапоги с вечера забыл наярить, а он заметил. Кэ-эк врежет! Ажно вся конюшня ходуном заходила. «Сапоги, доложил он мне, надобно чистить с вечера, чтобы утром надевать их на свежую голову...»

Знакомство состоялось, пора приступать к делу.

– Дай ключ от сейфа, – велел Соломин.

Урядник, звякнув шашкою, поскоблил в затылке.

– Помню, что таскал его на груди, вроде гайтана божьего. На ключ, можно сказать, молился. А его не стало.

– Неужели посеял?

– А хучь убейте, выходит, что посеял...

Общими усилиями отодвинули несгораемый шкаф, надеясь, что с помощью отвертки удастся отвинтить заднюю стенку. Но сейф оказался монолитен.

– Слесарь в городе сыщется?

– Да мы уж всяко! – отвечал урядник. – Ковыряли гвоздем и шилом – не открывается. Правда, один способ я знаю. Способ уже проверенный. У нас в казачьей дивизии, когда казначей запил, тоже ключ от сейфа потеряли. Но мы не растерялись. Быстро порошу в замок насыпали, фитилек подпалили, потом все по канавам разбежались и крепко зажмурились. Тут как рвануло до небес – и пришла кума любоваться!

– Это не способ, – сказал Соломин. – За такой «способ» меня выкинут в отставку без права на пенсию... Как же я стану управляться с Камчаткой без копейки казенных денег?

– Скоро аукцион – сразу разбогатеете.

Андрей Петрович в бессилии треснул по шкафу ногой:

– Ручаешься, что здесь сорок семь тысяч?

– Так точно. С копейками.

– Ну, ладно. Верю. Считай, что казну я принял...

Соломин велел построить вооруженные силы славного камчатского гарнизона. Он сказал об этом без юмора, а Мишка Сотенный – тоже без юмора! – построил их моментально. Гарнизон Петропавловска составляли девять казаков, в числе которых двое были еще школьниками, а трое безнадежными инвалидами.

Итого, к бою готовы четыре верных бойца.

– Как же вы тут управляетесь с Камчаткой?

– А што нам! – сказал Мишка, заломив набекрень шапку. – До кутузки-то пьяного дотащить – так мне гарнизону хватает.

– В порядке ли карцер?

– Приходи, кума, любоваться.

– Сидит там кто-нибудь сейчас?

– Не без этого. Даже обязательно.

– Пойдем – покажешь...

Прежде чем отомкнуть запоры, Соломин приставил глаз к смотровому отверстию – и в этот же миг глаз ему залепил смачный плевок, метко посланный изнутри камеры. Сотенный с бранью отодвинул засов – обрюзглый господин в коверкотовом пальто и галошах сделал Соломину медвежий реверанс.

– Извините, сударь, что плюнул, не подумав, – сипло проговорил он. – Я ведь решил, что это Мишка меня озирает... самозванец хуже вора Гришки Отрепьева! Это он, это он, Лжемихаил, власть над Камчаткой у закона гнусно похитил...

Соломин, вытираясь, спросил, кто это.

– А это наш Неякин, – объяснил урядник, – тот самый, что у покойного Ошуркова в помощниках бегал.

Андрей Петрович в бешенстве заявил Неякину:

– От службы в уездном правлении вы давно отстранены, так чего же околачиваетесь на Камчатке? Кроме того, на вас заведено дело, и вы обязаны предстать во Владивостоке перед судом. Прошу с первым же парохом покинуть Петропавловск.

На что Неякин отвечал ему с иронией:

– Да какой же олух сам себя на суд отвозит? Ежели я суду надобен, так пускай он сюда приезжает и судит меня.

– За что вы посажены в карцер?

– А я разве знаю? – огрызнулся Неякин.

– За роялю сидит, – мрачно пояснил Сотенный. – У нас в школе рояля была... едина на всю Камчатку! Так он с приятелями среди ночи давай роялю на улицу выпирать. Я всякое в жизни видел, – гордо сказал казак. – Однажды, когда посуды не было, пришлось и в балалайку мочиться. Но такого зверского обращения с музыкой еще не видывал. Они ее, эту несчастную роялю, с боку на бок по снегу дыбачили, будто сундук какой...

Соломин велел Неякина из карцера выпустить.

– И чтобы с первым судном убрались во Владивосток!

– А ты меня учи... щенок, – отвечал Неякин.

Соломину было уже под пятьдесят.

* * *

Вернувшись в канцелярию, он спросил:

– А этот Хам Нахалович нормальный ли?

– Тут все, пока трезвые, нормальные... Вы с этой гнидой поосторожнее. Неякин и напасть может, потом и лопатой не отскребешь. Он же прихлебатель у нашего Расстригина...

Сотенный выложил на стол протокол:

– Не хотел говорить у карцера, а дело такое, что Неякин замешан в ограблении имущества умершего зимою купца Русакова. Вот и показания родственников, которые уже обвылись, а Неякин добром украденное не отдает.

Ознакомясь с делом, Соломин обомлел:

– Просто уголовщина! А ведь такой вот Неякин занимал высокий пост, он мог бы стать и моим заместителем.

– Мог бы... Потому я и действовал как самозванец! Сразу, когда Ошурков пятки раскинул, я все бумаги опечатал, к казне караул приставил и заявил, что до решения в генерал-губернаторстве ни единого прохиндея до дел камчатских не допущу.

– Правильно сделал... молодец!

Этот толковый парень нравился ему все больше, и сейчас Соломин даже пожалел, что сгоряча перешел с ним на «ты», – урядник заслуживал уважения.

– Начнем же с маленького, чтобы потом взяться за большое. Ты, Миша, опись имущества покойного Ошуркова составил?

– Не.

– А надо бы... Пойдем и сразу покончим с ерундой этой.

Описывая имущество в доме покойника, случайно обнаружили шкуры морских бобров. Сотенный повертел их в руках, дунул на мех, чтобы определить глубину подшерстка.

– Это бобер с мыса Лопатка... точно! Одно не пойму: на Лопатке лежище охраняет особая команда. Каждому бобру ведется табель, а когда с бобра шкуру спустят, ее представляют в казну при особом рапорте... Приходи, кума, любоваться!

Это значило, что, прежде чем попасть на аукцион, бобер проходил регистрацию и ни одна шкура по могла миновать казенного учета. Из разговора с урядником выяснилось, что врачевный инспектор Вронский в прошлую навигацию вывез с Камчатки сразу трех бобров, даже незаприходованных в аукционных листах... Сотенный рассказывал без утайки:

– Тут, ежели в сундуках покопаться, так много чего сыщешь: чернобурки, песцы, соболи – первый сорт. Чернобурок-то на Камчатке уже малость повыбили, но зато их на Карагинском острове еще хватает...

Соломин знал, что Командоры были родиной голубого песка, а Карагинский остров считался в России естественным питомником черно-бурых лисиц... Андрей Петрович спросил:

– Миша, сколько стоит мех одной чернобурки?

– У нас?

– Да, в местных условиях.

– По совести – больше сотни, а в Америке уже за тыщу долларов. Конечно, я не продавал, но так мне сказывали.

– А за сколько рублей они идут с рук на Камчатке?

– За червонец у наших дикарей сторгуешься... В Хабаровске на эти деньги можно купить два лимона.

Соломин тут же отправил полетучку во Владивосток на имя генерала Колюбакина, чтобы у медицинского инспектора Вронского конфисковали вывезенных бобров. (Ретивость камчатского начальника пусть не покажется читателю наивной. Он ведь знал катастрофическое положение на лежищах, где раньше добывали в год полтысячи бобров, а сейчас от силы штук тридцать. Еще недавно котиков набивали до 100 000 особей, но после набегов американцев их стали добывать всего три-четыре тысячи...)

Мимо присутствия, нежно обнявшись, проследовали в винную лавку дорогие друзья – Расстригин и Папа-Попадаки; опять изо всех окошек трактира, словно через дырки дуршлага, тягуче вытекло уже хорошо знакомое:

Все пташки-канарейки

Так жалобно поют...

* * *

Скоро пошел в рост буйный камчатский шеломайник, который за две недели выгонял свои стебли на такую высоту, что с головою скрывал в своих зарослях всадника. На верхушке стебля распускалось чудесное соцветие, вроде бомбы. Приезжие говорили о шеломайнике – лес, а камчадалы говорили – трава...

Началось лето. Берега Авачинской бухты уже закидало цветами, окрестности Петропавловска стали удивительно живописны. Иностранцы говорили Соломину, что Камчатка в пору цветения напоминает им самые райские уголки мира.

– На подходах к вашему городу нам казалось, будто мы входим в Сидней или сейчас откроется Рио-де-Жанейро...

Камчатку населяли тогда лишь около 7000 человек!

Пушистая Камчатка

Будущее имеют страны, у которых есть прошлое. Прошлое – это ведь тоже богатство, почти материальное, и оно переходит к потомкам вроде фамильного наследства...

На вулканическом пепле цветущих долин Камчатки, как на срезе старого дерева, четко отслоились три исторические эпохи. XVII век выплеснул на эти угрюмые берега крепкие кочи с казаками-землепроходцами. XVIII столетие оставило на Камчатке потомство ссыльных и беглых, искавших здесь вольной жизни. XIX век подарил Камчатке русских переселенцев, которые (в обмен на освобождение от рекрутчины) избрали себе отдаленное житие среди вулканов и гейзеров, а вслед за тамбовцами и ярославцами сюда потянулись и коренные сибиряки. Из прочного сплава пришлых россиян с местными жителями образовался новый тип – камчадал! Язык камчадалов – русский, но сильно искажен местным выговором.

Камчатка знавала и веселые времена. Когда-то здесь шумела полнокровная жизнь. Гавань оживляли корабли, в городе размещался большой гарнизон с артиллерией, население почти сплошь было грамотно, всю зиму Петропавловск играл пышные свадьбы. Камчатка считалась тогда наилучшим трамплином для связи России с ее владениями в Америке, и лишь когда Аляску продали ни за понюх табаку, камчатская жизнь заглохла сама по себе. Одни уехали, другие повымерли. Казалось, что сановный Петербург раз и навсегда поставил крест на Камчатке как на земле бесплодной и ненужной. Все богатства полуострова и омывавших его морей царизм безропотно отдал на разграбление иностранцам...

Андрей Петрович, стоя возле окна, долго смотрел вдоль унылой улицы, такой пустынной, что брала оторопь.

– А жизнь-то кипит! – произнес Блинов.

Нет, чиновник не шутил, и, когда Соломин указал ему на отсутствие оживления, Блинов восторженно заговорил:

– Помилуйте, да сейчас на Камчатке вроде ярмарки. Лето – самое веселое время. Смотрите, и корабли заходят, и полно приезжих, и газеты читаем, и письма пишем...

Андрей Петрович даже рассмеялся.

– Если летом жизнь кипит, – сказал он, – то представляю, как она бурлит и клокочет зимою.

Вскоре Соломина навестил в канцелярии Папа-Попадаки, конкретно и без обиняков предложивший денег.

– Касса-то у вас не открывается, – сказал он.

Андрей Петрович понял, что за этим предложением кроется попытка всучить ему взятку. Он ответил ценителю бобров:

– Благодарю, но в деньгах я пока не нуждаюсь.

В поведении Папы-Попадаки вдруг проявилось нечто странное. На цыпочках он блуждал вокруг сейфа, пальцы его, униженные безвкусыными перстнями, обласкивали холодный металл несгораемого шкафа. Неожиданно он пришел к выводу:

– А ключык-то внутри остался. Мишка его там оставил. Касся не закрыта на ключ, а лис на задвижку французской системы.

Папа-Попадаки зашептал на ухо вкрадчиво, как шепчут слова страстной любви, что он может открыть «кассию», но за это Соломин обязуется показать ему пушную казну Камчатки.

– Мне много не нужно. Один бобр, два бобрка. Ну, лисицу какую... все тихо! А кассю открою вам ногтем. Это ведь не касся, а чистому смех, как говорят в Балаклаве. Я же визу, тут замок Брамма, с ним и котенок лапкою справится. Когда разбогатеете, – дал он совет Соломину, – покупайте кассю только системы инженера Мильнера... Вот касся так касся! Дазе открывать невыгодно.

– Не понял, – сказал Соломин.

Папа-Попадаки пояснил неучу, что для открытия мильнеровских сейфов одного лишь инструмента требуется 16 пудов, следовательно, без двух помощников в таком деле не обойтись, а с ними надо делиться и содержимым кассы.

– Дазе дом трясется, когда открываес кассю системы инзенера Мильнера... Позалуста! – вдруг сказал Папа-Попадаки. Раздался мелодичный звон, и дверца сейфа открылась, обнажая пачки казенных денег, поверх которых – верно! – лежал и ключ. Когда и как Папа-Попадаки открыл несгораемый шкаф, Соломин даже не успел заметить, – это была работа маэстро.

– Так можно мне ясак посмотреть? – спросил он.

– Нельзя, – остался непреклонен Соломин.

Папа-Попадаки резко захлопнул сейф.

– Тогда зывите без денег, – сказал он, уходя.

«Жулье какое-то», – решил Соломин...

Судя по всему, Папа-Попадаки нахлоиля на камчатскую историю как стихийное явление XX века, как продукт хищного афоризма мелкой и неразборчивой буржуазии, – таких типов Камчатка раньше не знала. Это было нечто новенькое.

* * *

Вообще-то Блинов прав: за кажущейся притихлостью царила подпольная суета сует. Между обывательских домов Петропавловска шныряли наезжие иностранцы, чающие купить пушнины из-под полы еще до открытия аукциона. Соломин в эти дни случайно повстречал и того американца, с которым плыл на «Сунгари».

– Вам удалось поживиться мехом?

– Никак! – удрученно ответил тот. – Я не думал, что это так сложно... Ведь у нас в Америке о Камчатке ходят легенды, будто здесь лисицами и соболями высланы мостовые.

Очевидно, янки был в этом деле новичком.

– Вы разве приехали сюда не от фирмы?

– Какая там фирма! Я небогатый служащий из скромного офиса. Всю жизнь моя жена мечтала о хорошей шубе, какие носят богатые дамы. Мы подсчитали, что даже с поездкой сюда шуба обойдется нам в сорок раз дешевле, нежели мы стали бы покупать ее у себя дома...

Соломин потрепал американца по плечу:

– У вашей жены будет шуба. Отличная шуба!

– И скоро?

– Я немножко еще придержу открытие аукциона...

Ему до сих пор многое было неясно в механике аукционной продажи. Он понимал, что тут не все чисто, но не мог разобраться, где кончается торговля и начинается открытый грабеж. Ведь если вдуматься, прибыль от продажи пушнины должна обогатить местных трапперов и охотников-инородцев. Именно они поставляют столицам мира нежно-искристую, легчайшую красоту манто, горжеток, палантинов, муфт и боа, украшающих женщин лучше всяких драгоценностей...

Близость предстоящего аукциона уже настраивала Петропавловск на праздничный лад. Мишка Сотенный тоже потирал руки.

– Вот когда мы выпьем! – говорил урядник.

– С кем же, Миша, пить собираешься?

– У меня дружок есть – траппер Сашка Исполатов, что охотничает за рекой Камчаткой. Вот увидите – он больше всех привезет мехов. Сдаст в казну – и тут мы с ним закуролесим...

Соломин попросил урядника подсказать ему, как удобнее обойти спекулянтов при аукционе, но Сотенный сказал:

– Я ведь с купцами не вожусь. Если хотите все знать, вы у Блинова спрашивайте – он давно на Камчатке горбатится...

Блинов не стал щадить петропавловских богатеев, он честно раскрыл их крапленые карты. «Оказалось, – писал Соломин, – что аукцион ясачных соболей искони веков производится в тесной компании камчатских торгующих, причем цены за соболей всегда держались заниженные. Выяснилось также, что далеко не вся пушнина, собранная в ясак, предъявлялась на аукцион. Иные звери продавались как-то так, что от них не оставалось и следа...» Блинов сказал Соломину, что дело это сложное.

– Расстригин и Папа – вам с ними лучше не тягаться. Но если хотите жить спокойно, примите от них положенное и закройте глаза на все, что творится.

«Положенное» – это взятка.

– Но взяток не беру, – сказал Соломин.

– Да уж лучше взять, чтобы потом не мучиться...

Поначалу казалось диким и неприятно резало слух стародавнее слово «ясак». Начинался век технического прогресса, а здесь, на Камчатке, еще драли ясак с населения, будто не кончились времена Мамая и Тохтамышы... Из связки ключей уездной канцелярии Соломин выбрал ключ, которым и открыл ясачные кладовые. При этом даже зажмурился – горы лежали перед ним, горы мягкой и волшебной красоты, которые собрала пушистая и нежная Камчатка! Он снова закрыл двери и засургучил их печатью.

– Я думаю, пора начинать, – сказал Соломин.

С улицы грянул выстрел, и через минуту в канцелярию вломился толстый немец – из числа наезжих скупщиков пушнины. Он требовал привлечь к суду местного жителя Егоршина, который безо всякой на то причины сейчас застрелил его собаку.

– Прекрасного породистого доберман-пинчера!

– Не кричите, – осадил немца Соломин, – причины к убийству вашей собаки вполне законны. Завоз любых собак на Камчатку карается большим денежным штрафом, и я вас оштрафую, ибо ваш прекрасный доберман мог испортить породу камчадалок.

Немец счел, что над ним издеваются.

– Мой доберман-пинчер имел в Берлине три золотые медали, его на выставке собак изволил приласкать сам кайзер, и как же он мог испортить ваших паршивых дворняжек?

Соломин растолковал, что камчадалки (хотя хвосты у них и закручены в крендель) вовсе не дворняжки. Это собаки, порода которых сложилась в суровых условиях служения человеку, и они способны покрыть в сутки расстояние до 120 миль, получив за этот адский труд лишь кусок юколы, а медальный доберман-пинчер, если его поставить в нарты, сдох бы сразу!

После чего Соломин повернулся к Блинову:

– Составьте протокол и оштрафуйте этого господина, доберман-пинчер которого был недостоин даже того, чтобы понюхать под хвостом у самой последней камчатской сучки...

А перед самым открытием аукциона он решил нанести удар повинной торговле – по самому больному месту.

* * *

Согласно законодательству Российской империи, завоз спирта на Камчатку, как страну «инородческую», был неукоснительно запрещен. Наяву же здесь протекали хмельные реки. Спирт завозился из Америки, и Соломин не имел права выпустить его на землю (хотя он чувал, что тут не обошлось без Камчатского торгово-промыслового общества). На складах Петропавловска обнаружались колоссальные запасы алкоголя в самых различных вместимостях – от мизерных «сосок» (то есть соток) вплоть до необъятных бочек. А перед главным кабаком Петропавловска площадь была вымощена пустыми бутылками. Несколько поколений виноторгов-

цев закапывали бутылки доньшками кверху – образовалась уникальнейшая мостовая, какой не было нигде в мире. Сейчас поверх этого «паркета» лежал в блаженстве все тот же отставной чинодрал Неякин, которого давно устали ждать судьи Владивостока.

Соломин велел оттащить Неякина в карцер.

– Конечно, где ж ему уехать с Камчатки? Он не только пароход, но и царствие небесное проспит...

Вместе с урядником Соломин обошел лавки города и отобрал у продавцов патенты на винную торговлю, о чем сразу же оповестил начальство. В условиях абсолютной трезвости открылся пушной аукцион... Мишка Сотенный тишком спросил:

– А вы прежде с Расстригиным-то столковались?

– О чем толковать мне с ним?

– Неужто даже товар нашим не показали?

– Увидят его лишь сейчас...

В этом и заключалась его стратагема. А вести аукцион Соломин упросил школьного учителя, и тот согласился.

– С меня – как с гуся вода, – сказал он, бесстрашно раскладывая на столе серебристых соболей и седых бобров.

Торг проходил в пустых классах школы, где расставили скамейки для публики. В самый последний момент Соломин был ошарашен непониманием двух слов местного диалекта.

– Учтите, – сказал ему учитель, – здесь не только хвост, здесь продается и головка.

Оказывается, хвост – это худшие сорта пушнины, которая всегда выставялась на аукцион, а головка – лучшие сорта, которые раньше камчатские начальники позволяли продавать подпольно, за что и получали с купцов солидное вознаграждение. Но теперь этот фокус не прошел, и Соломин видел алчное беспокойство в рядах местных скупщиков и перекупщиков, он даже слышал, как Расстригин, обернувшись, сказал кому-то в публике:

– Ой, нехорошо все это... не по-божески!

Соломин заранее предупредил учителя, чтобы тот, ведя азартную игру аукциона, нарочно звинчивал цены. Американцу же, приехавшему за шубой для жены, Андрей Петрович шепнул:

– Шуба вам будет. Вы только не кидайтесь в споры, а переждите, когда страсти поутихнут...

– Кто это такой? – спросил Соломина урядник.

– Небогатый человек и, кажется, порядочный. Ему не меха нужны, одна шуба. Наберет на мanto и уедет... пускай!

Учитель растряс в руках дивную чернобурку – такой красоты, что иностранцы издали стон, а представитель одной бельгийской фирмы начал нетерпеливо елозить ногами по полу.

– Кошка дохлая, – послышался басок Расстригина.

– Нашли, что показывать! – поддержали его прихлебатели. – Этой-то шкуркой в сенях мусор мести...

Все было так, как и предвидел Соломин, перехвативший инициативу торга в казенные руки. А лисица полыхала дивным смоляным огнем волшебного подшерстка.

– Убей меня бог, даже червонца жаль за такую падлу! – кричал Расстригин, тряся потными кудрями.

Но жажда местной наживы заглушалась жаждой наживы более широкой – уже международной, и заезжие иностранцы, увидев в этом году такой великолепный товар, стали круто поднимать ставки. Неумолимо, разрушая все козни спекулянтов, стучал молоток в руке вдохновенного педагога:

– Восемьдесят – раз... Кто больше? Девяносто – раз, девяносто – два, девяносто...

Соломин демонстративно выхватил бумажник, хлестнул по столу двумя сотенными «екатеринками».

– Двести! – выкрикнул он, поднимая цену выше.

Карагинская чернобурка пошла с молотка за 220 рублей, и Соломин сложил свои деньги обратно в бумажник. Иногда за редкие экземпляры цены взбегали до 300 рублей и даже выше. Соломина несколько не смущало, что меха Камчатки попадали в руки иностранцев, – торг есть торг, и в нем существенна только прибыль. Но теперь, когда Расстригин и Папа-Попадаки были выбиты из игры, денежная прибыль, минуя их кошельки, поступала в кубышку инородческого капитала Камчатского уезда.

Конечно, стерпеть этого купцы не могли.

– Мы ж не какие-нибудь – православные! – бросил Расстригин в лицо Соломину и ринулся к двери, увлекая за собою на улицу и всех остальных перекупщиков.

– Продолжайте, – велел Соломин учителю.

В окно он проследил, как Расстригин, размахивая руками, уводил приятелей в ближайший кабак. Но через минуту выскочили оттуда словно ошпаренные. Вином больше не торговали, и это привело камчатских крезов в ярость. Большой толпой они проплыли мимо школы. Блинов под азартные вопли аукционеров сказал:

– Вы даже не знаете, сколько обрели врагов.

– Я знаю, что их много, – ответил Соломин.

К нему протиснулся позвать руку знакомый янки.

– Моя жена будет очень довольна, – сказал он, вскидывая на плечо громадный, но почти невесомый мешок с соболями.

– Я очень рад за вас, – улыбнулся Соломин.

Он был рад, что может избавить жителей Камчатки от грабежа, который давно уже стал традицией.

* * *

Теперь пора подвести итоги: продажа ясачной пушнины с торгов дала прибыли 17 000 рублей. Блинов даже ахнул:

– Матушки! В шесть раз больше обычной выручки.

Соломин сразу же велел произвести из этих денег оплату инородцам налоговой повинности, а остальные деньги тут же переправил во Владивосток на имя губернатора – с реестром товаров, необходимых для жизни тех же инородцев. Петропавловск зажил нервной и судорожной жизнью, купцы всюду жаловались:

– Все было у нас на ять, а теперь никто не знает, что будет, господи! Хвост обче с головкой куда-то за океан сбагрили, а нас обидели, будто мы нехристи какие.

Скупщиков поддерживали виноторговцы:

– Живи сам, но не мешай и другим. Не ради себя и стараемся. Нам бы тока народец не заскучал. Рази ж не так?

– Золотые твои слова, Тимоха Акимыч!

Немало волновались и камчатские пьяницы:

– Что же нам теперь? Так и будем сидеть трезвыми?..

Расстригин навестил Папу-Попадаки.

– Вот что, Папа, – сказал он ему, вышибая пробку из бутылки с ромом, – ты, хоша и греческий, а все же дворянин, а потому сам понимаешь... надо писать донос! Крой этого Соломина так, чтобы во Владивостоке чесаться начали. Да прежде покажи донос Трушину, чтобы он запятые расставил.

Вечером видели Папу-Попадаки, который двигался по улице в сторону кладбища, имея в руке вилку с надетым на нее куском балька. Вид у него был весьма обалделый. «Бобровый король» с бальком на вилке скрылся среди могильных крестов, где, надо полагать, искал творческого вдохновения.

До расстановки запятых было не так уж далеко.

Первые толчки

Среди примечательных строений Петропавловска выделялся дом старого купца Плакучего – в два этажа, крытый железом. Внизу жил он сам с семейством, а наверху располагался трактир с четырьмя столиками для иностранцев и «чистой публики»; готовили не так уж чисто, но зато сытно. Здесь же обедал и Андрей Петрович, уставший потреблять на десерт невыразимое пойло, которое Плакучий именовал иногда чаем, а порою кофе.

– Если это чай, – не раз говорил Соломин, – так дайте мне кофе, а если это кофе, так прошу дать мне чаю.

– Сегодня... какава, – выкручивался Плакучий.

За множеством дел совсем забылось, что в Петропавловске существует уездный врач Трушин, пренебрегать которым нельзя хотя бы потому, что сей отважный эскулап в прошлом тоже метил на пост камчатского начальника... Соломин не искал с ним знакомства, а встретились они в том же трактире Плакучего, где доктор с завидным аппетитом поглощал фирменное блюдо Камчатки – студень из моржатины (под горчицей).

Трушин был уже немолодой человек с некоторой претензией на элегантность, а цепочка с брелоками и брошь в галстук выдавали в нем тайное желание нравиться женщинам. Андрей Петрович отметил его осоловелые глаза и запах, составленный, казалось, из малосовместимого синтеза кабака и аптеки.

– Когда поедете в уезд собирать пушной ясак с инородцев, – попросил доктор, – возьмите и меня с собою.

– Желаете объехать больных?

– Да какие тут больные! Люди на Камчатке здоровые, живут долго. Старики, попив чайку с рябиновым вареньицем, вдруг ложатся на лавку и говорят, что сегодня помрут. И не было еще случая, чтобы они не сдержали слова... Я лечу в основном приезжих вроде вас! – неожиданно закончил Трушин, и это прозвучало неприлично по отношению к Соломину.

После такого похоронного монолога исцелитель камчатского населения воспроизвел на пальцах общепринятый жест, широко известный всем алкоголикам.

– Не угодно ли приложиться ко святым мощам? – спросил он. – Здесь, благодаря вашей строгости, нам уже не поднесут, но можно пройти ко мне... у меня все есть!

– Спасибо, – ответил Соломин. – Но я вином грешу редко. Уже давно перебесился, теперь обожаю аккуратность.

Вместо выпивки он предложил врачу показать больницу.

– Охотнейше, – согласился тот.

Больничные койки пустовали. В неопрятном тазу лежали хирургические инструменты, в полоскательной чашке валялись давно забытые ватные тампоны со следами гноя и крови. А на подоконнике белый котенок намывал лапкой гостей.

– Значит, больных у вас нету.

– Не держим за ненадобностью.

– Кстати, – вспомнил Соломин, – здесь, кажется в бухте Раковой, имеется лепрозорий. Вы там бывали?

– И вам не советую. Жизнь у каждого все-таки одна.

– А с кем же там остались прокаженные?

– Был в Раковой фельдшер, которому после службы на Сахалине небо уже с овчинку казалось. Но он помер.

– От проказы?

– Что вы! Решил к своим праздничным порткам пришить новую пуговку. Уколотся иголкой, заражение крови, и – в яму... Да вы не волнуйтесь, – вдруг оживился Трушин, – прока-

женные давно смирились со своей долей... им там хорошо! Отбросы рода человеческого... Они освобождены даже от уплаты налогов.

Соломин никогда не был ангелом и цинизма навидался в жизни достаточно. Но цинизм доктора все же озадачил его. Взяв на руки котенка, он поиграл с ним. Совсем неожиданно прозвучала въедливая фраза Трушина:

– Вы симпатий в Петропавловске не обрели, а обиженные вами апеллируют к Владивостоку, пишут жалобы генералу Колюбакину.

– Кого же я здесь обидел? – отвлеченно спросил Соломин, давая котенку кусать себя за палец.

– Надо уважать сложившиеся... традиции, – увертливо намекнул доктор. – Здесь давно утвердилось правило, чтобы головка поступала в руки камчатских предпринимателей, а уж хвост пушного ясака пускай треплют наезжие. От такого порядка ни один из начальников еще не бывал в обиде и на всю жизнь обеспечивал себя... яблоками! – вдруг сказал Трушин.

– Ах вот вы о чем...

Не стоило забывать, что за Трушиным стояла дремучая сила – сила круговой поруки, основанная на наживе. Между тем Андрей Петрович не строил и приятных иллюзий – он ведь понимал, что российский купец устроен до безобразия примитивно: ты можешь дать ему в ухо – он тебя расцелует, но только не вздумай бить его по кошельку – тогда он сатанеет... Соломин осторожно посадил белого котенка обратно на подоконник.

– Я был прав, дорого продавая меха иностранцам, а не продавая их дешево нашим. Прибыль поступила в инородческий капитал, в котором до аукциона не было и полушки. Камчадалов и коряков грабили веками. Из-за этого они уже перестали осознавать ценность денег. Но сейчас прибылью с аукциона я покрыл все налоговые обложения и написал Колюбакину во Владивосток, чтобы на остаток от дохода мне прислали товаров.

– И опять нарушили традицию! – сказал Трушин. – Иностранцы уже привыкли покупать товары у наших местных торговцев.

Вот тут Соломин не выдержал:

– О какой привычке вы говорите? Не может же человек привыкнуть, чтобы с него спускали три шкуры. Иностранцы просто не имели возможности купить товары на стороне по законным ценам, а брали втридорога то, что подсовывали им наши купчины... А что им подсовывали? Сивуху-то?

Сейчас, чтобы уйти от гнетущего разговора, Соломин был бы и рад выпить. Но доктор вина уже не предлагал.

– Вы куда сейчас? – спросил его Трушин.

– Домой. Спать.

– Заходите, если нужда возникнет. Йод есть. Карболки полно. Аспирину дам... Ну, а если потребуется просвечивание рентгеном, плывите во Владивосток, ха-ха!

У доктора был тяжелый взгляд, и он поднимал глаза на собеседника с таким усилием, будто пудовые гири.

* * *

– А вы, я слышал, были у Трушина? – спросил Блинов.

– Был. А что?

– Да нет, это я так.

– Все-таки закончите то, что вы подумали...

– Бабник! – сказал Блинов. – К тому же запойный. Скрипит и терпит, а потом сорвется, будто собака с цепи, тогда хоть умри, а даже клизмы от него не допросишься.

Соломин закинул удочку дальше:

– Странно, что такого человека могут любить женщины.

– Боятся, – пояснил Блинов. – Тут была одна красивая камчадалка, Наталья, она чуть ли не с Гижиги приехала... издалека. Не знаю, что там у них случилось, нравы здесь легкие, но красавица доктором пренебрегла. За это он объявил ее прокаженной, теперь баба картошку в Раковой окучивает, да уже поздно – из лепрозория обратной дороги нету...

Соломин подумал и сказал, что такое вряд ли возможно. Хотя (он понимал это) такое и возможно, ибо проверять диагноз, установленный доктором Трушиным, мало кто возьмется. В эти дни Соломина захлестывала энергия, он торопился делать добро... Со стороны все кажется просто, но окунись с головою в эту простоту и тогда поймешь, как это трудно. Давая согласие на управление Камчаткой, Андрей Петрович не подозревал, что здешние дела вроде гиблой трясины: чем дальше идешь, тем сильнее она тебя засасывает.

Да, не так-то легко управляться с Камчаткой: тут на всякое дело – свой сезон, и только успевай в календарь поглядывать. Приходилось учитывать, когда отстрел зверя, когда сбор ясака, когда закупка товаров, когда лосось пойдет в реки метать икру. Начинался июль – душливый, вулканы как-то подозрительно курились дымом, а он совсем позабыл о главном – о рыбном нересте.

– Теперь держитесь, – подсказал ему Блинов. – Рыба в реки пошла гулять, а значит, японец на нас навалится...

Заявился в канцелярию урядник Сотенный, красуясь новыми скрипящими сапогами на ходком московском ранте.

– Ну как? – спросил он. – Хороши?

– Очень. А ты, кажется, выпивший?

– Для прилику хватил, это верно.

– Очевидно, приехал твой приятель...

Сотенный стал серьезным:

– Да нет нигде Сашки Исполатова! Я еще тогда, перед аукционом, думал: чего не едет? Уж не случилось ли беды?

Мысли Соломина приняли совсем иное направление:

– Не знаешь ли, что происходит на острове Шумшу у японцев? Не бывал там кто-либо из наших людей?

– Бывал один зверобой, старик Егоршин.

– Егоршин? Не тот ли, что доберман-пинчера шлепнул?

– Он самый. Старик задушевный. Разрывными стреляет.

– Ты приведи его ко мне.

– Слушаюсь, – отвечал урядник. – Андрей Петрович, я, когда дела вам сдавал, забыл одну бумажку показать...

Сотенный долго ковырялся в канцелярском шкафу, потом торжественно выложил на стол длинную ведомость.

– Что это, братец?

– Ведомость оружию на Камчатке.

Из реестра выяснилось, что на складах Петропавловска хранятся 4000 новейших берданок, а к ним 800 000 патронов. Если учесть, что каждый житель имел свое личное оружие, то выходило, что Камчатка вооружена до зубов. Андрей Петрович велел казаку положить бумагу на прежнее место.

– Не забудь прислать ко мне этого Егоршина.

– Будет исполнено, – откозырял урядник...

Скоро из деревень, расположенных в устьях рек на западном побережье Камчатки, стали поступать тревожные полетучки: появились японские шхуны, всю гребут рыбу.

– А что я вам говорил? – заволновался Блинов. – Теперь до осени они хуже мошкеры станут над Камчаткою виться...

Соломин вызвал служащих рыбного надзора. Стражников было всего двое, и, глядя на них, Андрей Петрович понял всю тщету своих надежд. Он перед ними просто взмолился:

– Как хотите, отцы, а выше головы надо прыгнуть. Нельзя же смотреть, как грабят нас! Сделайте что-нибудь...

Надзорщики показали ему на карту уезда.

– Господин Соломин, – логично отвечали мужики, – окажите нам божецкую милость: прикиньте на глазок – по сколько ж это верст на каждого из нас получается?

Каждому доставалось по 1500 верст бездорожья.

– А нам ведь не разорваться. Да и японец нонеча нахалом сделался. Ты его от берега гонишь, а он тебя из ружей дробью поливает. Хотите, одежонку скинем – гляньте сами: мы и без того уже все дырками мечены. Солдат на нашем месте уже бы в героях бегал, а мы так... с хлеба на квас перебиваемся!

Загибая пальцы, мужики выкладывали перед начальством, что им нужно для объезда гигантских владений, и ничего Соломин не мог им дать... Мужики жаловались:

– Речек-то на Камчатке полно, а нам хоть перепрыгивай через них. Нигде нет даже лодок для переправы.

– А где я вам их возьму? – отвечал Соломин.

Стражники поднялись с лавки, оперлись на ружья.

– Мы ведь не отказываемся. Пойдем. Может, даст бог, японцы в каком-либо месте и послушаются – уйдут с сетями...

Под вечер пришел старый зверобой Егоршин, тактично опростал ноздри не на пол, а под печку. Он рассказал, что на Шумшу был занесен сильным штормом. Японцы приняли его хорошо, накормили и обсушили, но старались спроводить обратно на Камчатку. Бродить же по острову в одиночку не разрешали.

– Там и солдаты имеются, – поведал он Соломину.

– Ты не спутал ли солдат с кем-либо?

– Или я солдат не видывал? Да ставь передо мной тыщу людишек вразной – я тебе сразу скажу: вот это солдат, а этот просто так выперся... житель. Мы уже грамотные!

На груди зверобоя распахнулась замызганная куртка из серой парусинки, и Соломин увидел погнутый крест солдатского «Георгия» на засаленной гвардейской ленте (оранжевое с черным – цвет огня и дыма былых сражений).

– О-о, да ты, оказывается, кавалер.

– Кавалерствую, – загордился старик.

– Чего же крест погнут?

– А никогда на материк не ездывал. На старости лет решил. Приехал во Владивосток, чин чином зашел в пивную. Ну а тут драка начнись. Меня и помяли.

– За что же крест получил?

– За англичанку...

Оказывается, Егоршин еще в 1854 году отражал нападение англо-французской эскадры на Петропавловск. С тех пор прошло полвека, и сейчас старику приятно вспоминалась молодость.

– Пальба была такая, – рассказывал он, – что, помню, у нас сука раньше срока оценилась. А я смолоду был страсть какой любопытный. Выперся на реду и гляжу. Интересно же! Такое нечасто бывает... Сам адмирал Завойко, царствие ему небесное, увидел меня и кричит: «Что, мол, ты, дурак такой, пули ноздрями ловишь? Ежели делать нечего, так бери ружье и лупи!» Я так и сделал. Потом наши в штыки пошли. Сбросили мы врагов с горюшки. Удирают они к берегу... эвон к тому самому, – показал Егоршин в окошко. – Вдруг вижу: впереди меня баба

лататы задает. Юбка – один срам: коротенька! А ноги-то у ей, стервы, длиннющие. Так и сыпет, так и сыпет... Не наша баба – вражья сила! А я озорной тогдаш был. Бегу за ней, и хохотно мне. Вот, думаю, догоню и оженюсь на ней. То-то смеху всем будет! Догнал и кулаком по шее сразу посватался. Она у меня – кувырк. Тут я разглядел, что это не невеста, а жених... Офицер аглицкий! Я в моську ему насовал, чтобы не шибко брыкался. Притащил его прямо к Завойке. «Вот, говорю, ежели надобен, так берите, пока теплый. А не нужен – за ноги размотаю и в бухту пушу». За этого офицера в юбке «География» и удостоился, – закончил свою новеллу Егоршин.

Соломин, проявив уважение к зверобою, пожал ему руку и спросил, что примечательного он видел на острове Шумшу за время своего краткого пребывания у японцев.

– Такого у них не водится. Даже бани нету. Сядут в бочки и парятся. Водка опять же ихняя слабая. Мне давали. Я ее пил-пил, пил-пил – нет, не шибает... Еще и пушки видел. В сарае стоят под навесиком. Но я плевать на пушки хотел. Потому как что же в них примечательного?..

Вечерело над Камчаткою, высокие травы заливала лиловая хмурь. Соломин остался в канцелярии один. Ему сейчас было трудно. Хотелось бы найти опору, но ее не было. Сотенный хороший парень, однако за ним не стоит никакой силы, кроме четырех казаков, двух школьников-казачат и трех инвалидов. И снова вспоминался зал ресторана «Золотой Рог», пришли на память рыжие бакенбарды кавторанга Кроуна.

– Хоть бы поскорее явился сюда «Маньчжур»!

В эту ночь на Камчатке было землетрясение, но слабое, и Соломин даже не проснулся, хотя утром был удивлен – мебель стояла как-то не так, как стояла с вечера. В эту ночь ему снилась та самая дама, которую он оставил (и, кажется, навсегда) в Хабаровске; сон был еще хабаровский, но уже с камчатской отрыжкой – в номерах Паршина, обнимаясь с адвокатом Иоселевичем, эта дама в шляпе с увядшими розами глушила чистый спирт стаканами и закусывала хрустящими моржовыми ластами.

Просыпаться после такого сна было очень противно!

* * *

Это землетрясение коснулось и острова Шумшу-Сюмусю, и оно потревожило Мацуока Ямагато... Лейтенант сбросил с себя одеяло и распахнул окно барака, готовый выпрыгнуть наружу; долго в напряжении мышц и нервов самурай сидел на плоском татами. Впрочем, толчки больше не повторялись. Спать Ямагато уже не ложился. Утром в конторе гавани Маёроппу он собрал шкиперов флотилии, ушедшей в устье камчатской реки Большой, где располагалось крупное русское селение – Большерецк.

– Вчера из Ичи вернулся шкипер Нагасава с большим уловом, но половину его пришлось выбросить: им в пути мешал встречный ветер, и лососина испортилась. На этот раз я пошлю в Большую пустые шхуны, которые заберут от вас рыбу, а вы оставайтесь в устье... Если русские затеют драку, вы с ними много не разговаривайте – стреляйте!

Удар гонга в отсыревшем воздухе разбудил команды рыбаков. Под мелким дождем они, согнувшись, разбирали снасти и тяжелые паруса. Ямагато разрешил выдать им по чашечке саке и, кланяясь, пожелал удачи.

Земля вздрогнула снова. На этот раз толчок был сильнее, и на шхунах стали торопиться с постановкой парусов. Ямагато остался на берегу.

Как и раньше, еще ничего не было решено.

Черные ветки смыкались над деревянными навесами, под сенью которых спасались от океанской сырости скорострельные пушки, закупленные Японией у добродетельной матери нейтралитета – у постной и целомудренной Швейцарии.

Встречные солдаты отдавали Ямагато честь.

На этих маленьких островках, на Шумшу и Парамушире, были заложены огромные возможности для захвата Камчатки, для развития будущей агрессии⁵.

⁵ Позже японская военщина превратила Курилы в плацдарм для завоевания Камчатки; на Шумшу возникла мощная база Катаока, на Парамушире – Касивабара. На аэродромах Шумшу базировались два авиаполка, все побережье было укреплено подземными блиндажами, внутри которых укрывались даже электростанции и ангары для танков (глубина сооружений достигала 50 метров). В августе 1945 г. морская пехота Тихоокеанского флота взломала эти рубежи. После разгрома японских милитаристов все Курильские острова были возвращены СССР как исконные русские земли.

РЫБЬЯ ЛЮБОВЬ

В длинной череде камчатских начальников самой колоритной личностью был адмирал Завойко – тот самый, что возглавил оборону Камчатки от англо-французского флота в период Севастопольской кампании. Надо сказать, что этот высокообразованный человек не боялся суровых мер и чуть ли не палками принуждал камчадалов сажать картошку. До него Камчатка жила привозом и добычей с охоты – культуртрегер Завойко приказал завести огороды и выращивать на них овощи. Опыт огородничества удался. Камчатская земля, подогретая изнутри работой вулканов, оказалась чрезвычайно плодородной; в долинах рек не только репа, но даже пшеница росла очень хорошо. Однако рыба всегда оставалась главным продуктом питания, а на севере Камчатки ее коренные жители были сплошь ихтиофагами – они от рождения до смерти поглощали рыбу даже в сыром виде. Европейская часть России кормилась, по сути дела, рыбою волжскою и каспийскою, совсем не ведая вкуса рыбы дальневосточной, – охотско-камчатская лососина до Москвы и Петербурга не доходила...

Все последние дни Соломина были заняты помыслами о нересте лосося и о пиратстве японцев. Беспощадно разрывая ткань этих переживаний, в Петропавловск затесался какой-то тип, один лишь вид которого вызывал омерзение: вшивый и грязный человек лет сорока, он носил канадскую куртку с капюшоном, ноги были обуты в разбитые ичиги, на все вопросы он отвечал только матюгами. Его схватили на огородах, где он свернул курице голову. Урядник явил бродягу в присутствие – пред ясные очи Соломина.

– Ты кто? – последовал вопрос.

В ответ – мать-перемать, так тебя и разэтак.

Соломин круто развернулся и – тресь в зубы!

Задержанный сразу обрел дар человеческой речи:

– Чего стучишь по мне? Я тебе дверь, что ли?

Дознались, что это старатель без паспорта и родства не помнящий, добывал золотишко на севере уезда, в их партии было шесть человек, один краше другого, но с моря вдруг подошла шхуна с американцами, пятерых сразу убили, его ранили, все намытое золото янки забрали и убрались в море...

– И много намыл? – спросил Соломин.

– Месяц лопатился, словно каторжный, тряс-тряс на лотке, а фарту не было – всего фунтишко и наскреб.

Андрей Петрович велел уряднику отвести бродягу в карцер – пусть доктор Трушин там и лечит его рану, – дать хищнику спирту и кормить невозбранно, дабы отъелся после голодухи.

– А придет «Маньчжур», сдадим его под команду, и пусть Кроун отвезет его во Владивосток в полицию...

Блинов потом сказал Соломину:

– Таких, как этот, много, а сколько – никто не знает. Говорят, в прошлом годе на Чукотку выбрались человек полтора, а пароход снял осенью только сорок.

– Куда ж остальные делись?

– Сдохли! У них папы с мамочкой нету – никто не поплачет. Вы этот народец и не жалейте. Сейчас лосось прет в реки так, что кирпичную стенку проломит. Об этом и думайте...

– Но где же «Маньчжур»? – переживал Соломин.

Задача канонерки – сохранить рыбою любовь.

* * *

Кровь у рыбы холодная, зато любовь у нее горячая!

Лосось любит только один раз – перед смертью...

В рыбьей любви есть что-то величественное и загадочное. Из нежной капсулы икринки рождается малек, а родиной его бывает река или озеро с чистыми проточными водами. Окрепнув в пресной среде, лососенок скатывается в соленую купель океана, где и проходит вся его жизнь – жизнь, по-своему, наверное, очень интересная и даже, пожалуй, увлекательная. Речь у нас, читатель, пойдет только о лососевых рыбах – кете, горбуше, чавыче, кижуче, семге и прочих.

Подрастая на жирных пастбищах, лосось долго бродит в таинственных безднах, давно позабыв о своей родине. Но вот он достиг зрелости и тогда подчиняется страшной, почти необъяснимой силе – инстинкту! В темных пучинах рыбы идут могучими косяками, влекомые любовью, которая станет для них трагична. Какие опытные штурмана ведут миллионные стада лососей? Откуда они берут свой удивительно верный курс? Мы этого не знаем. Не знает этого и сам лосось, который, всплывая с глубин океана, астрономически точно находит ту реку (или даже ручеек), которая была его родиной.

Готовый к нересту, лосось уже облачился в брачный наряд. Окраска сделалась привлекательно пестрой, иногда даже ярко-красной. Но зато внешне рыбы стали уродливей – выросли горбы, обнажились зубы, носы заострились на манер клювов. Лососю уже давно тесно в толчее своих сородичей. Рыбная масса двигается сама, и при этом она двигает перед собой водяной вал. В устьях рек вода вскипает от безудержного плеска. А выдавленные общей массой на берег лососи издыхают, но в последний миг жизни они все же мечут икру – в лужи, в траву, щедро обрызгивают ею кусты. Природа не прощает таких ошибок – эта любовь окажется бесплодной...

Начинается последний этап стихийной гонки! Плотной фалангой лосось стремится вверх по течению, его не остановят даже скалистые пороги, не устроят даже бурные водопады. Разбиваясь о камни, цепляясь плавниками за каждый выступ, совершая прыжки через мелководья и поваленные деревья, лосось идет посвятить себя акту пылкой любви. И нет сейчас такой силы, которая способна задержать его героическое движение к любви (а точнее говоря – к смерти)!

В такие периоды рыбак перестает быть рыбаком – он не ловит рыбу, а просто черпает ее ведром, словно воду из реки. Птицы становятся гурманами: они садятся на спины лососей и выклеивают им лишь глаза – ослепшие рыбы все равно продолжают путь. Собаки заходят в реку и отжирают у лососей самое лакомое – головы, вкусно хрустящие на зубах. Медведи садятся на берегу, и, подцепив лосося на коготь, перебрасывают его через плечо, даже не оглядываясь. Накидав целую кучу рыбы, косолапый приступает к еде – обстоятельно и неторопливо. Я не рисую, читатель, картину варварского истребления – я изображаю лишь скромную сцену потребления, неспособного нарушить общую гармонию нереста.

Итак, наш лосось продолжает путь, и, пока его жабры еще покрыты водою, он преодолевает любую быстрину, устремленный туда, где нерестились его предки, где он сам познал радость своего рыбьего бытия. Изможденные, почти полумертвые, лососи разгребают песок и гальку, в ямки гнезд мечут икру с молоками. Сколько бы ни длился этот беспощадный процесс нереста, за все его время лосось ничего не ест. Но, исполнив свой родительский долг, он рыцарски остается на страже гнезда, тихо колебля над ним воду хвостом, а потом... потом умирает. Печально, но это так: лососю никогда не суждено видеть свое потомство.

Такова трагедия пылкой рыбьей любви!

А законы промысла справедливы – рыбу можно ловить, дозволено отбирать у нее икру. Нельзя лишь препятствовать нересту, грешно пресекать акт рыбьей любви, преступно лишать лосося завершения священного цикла природы. Но камчатская рыба, входя в устья рек, сразу же попадала в плотные сети флотилий лейтенанта Ямагато – японцы бессовестно нарушали законы лова.

Они нарушали и границы русского государства! В самый разгар лососинного нереста в Авачинскую бухту наконец-то вошла с океана канонерская лодка «Маньчжур»...

* * *

Город сразу наполнило воркование гитар, по мосткам заходили матросы-клешники (тоже стенкой, как и лососи), а навстречу им, пыля юбками, павами выступали сердечные зазнобы, душеньки и лапушки. Господи, да на что им сдались эти матросы? Глаза бы их, бестий, никогда не видели! И что в них хорошего находят? Матросам тоже глубоко безразличны камчатские красотки – гордые, разве они унижат свое моряцкое достоинство вниманием к иному полу? Кажется, что в непримиримой вражде сошлись два различных мира, которым никогда не ужиться вместе. Но это только внешнее впечатление. Не стоит делать поспешных выводов, а лучше подождем, пока стемнеет...

На осыпанный теплым дождем Петропавловск щедро пролилась забубенная матросская лирика:

Что земля? Она полоской узкой.
Па-забылась вся родня.
Ветерок, лети на берег русской —
Па-ацелуй их за меня.

«Ишь какие мастера соблазнять!..» Чопорно и равнодушно проколыхались мимо матросов колокола юбок, а черные ленты с чеканной славянской вязью «Маньчжур», трепеща на ветру, обвивали крепкие шеи матросов... Огорченно вздрогнули гитары:

По морям, по волнам,
Нынче здесь, завтра там.
Эх, моря!
Моря, моря, моря.
Нынче здесь, а завтра там...

Под этот аккомпанемент Соломин увиделся с командиром «Маньчжура». Кавторанг Кроун выслушал его и сказал:

– Даже не просите! Я не имею инструкций заходить в Охотское море, у канонерки определенные задачи: побывать в Анадыре, исполнить поручение в Номе на Аляске, затем – рейд до кромки полярных льдов Берингова пролива. Поймите, что «Маньчжур» связан маршрутами лишь к востоку от Камчатки, и я ведь еще до Владивостока предупредил вас об этом...

В уютном салоне, похожем на будуар великосветской дамы, Соломин сидел на диване, обтянутом золотистым штофом, над его головою мягко посвечивали блеклые матовые абажуры. Извне в салон проникали звонки сигнальной вахты, всхлипывания придонных насосов, тяжкие вздохи усердных воздуходувок. Здесь царствовала жестокая правда военных порядков, правда путиловской брони и обуховских калибров, в пособничестве которых так нуждалась обездоленная Камчатка...

Вестовой матрос, крепкий зубастый парень, внес на подносе кофе и бутылку душистого арманьяка. Отдельно на тарелочке лежал нарезанный сыр, янтарно нежилась прозрачная японская хурма.

– Не хотите ли пообедать? – предложил Кроун с радушием хозяина. – Это не затруднит: одно нажатие кнопки, и...

– Спасибо. Но от рюмочки не откажусь.

Кавторанг разлил по рюмкам тепловатый коньяк.

– Здесь, на Камчатке, – сказал он, – все богатства на сотню лет вперед разворованы и распроданы оптом и в розницу. Когда-нибудь потомство еще предъявит суровейший счет нашим великороссийским разгильдиям, которые знать не хотят, что тут творится...

Порывшись в столе, кавторанг показал Соломину кусочек чего-то зеленоватого, даже неприятного на вид.

– Как вы думаете, что это такое?

– Трудно догадаться.

– Золото.

Рядом он положил нечто, похожее на окатыш гальки.

– Тоже самородок?

– Нет. Олово.

– Откуда это у вас?

– Я любопытный и, когда схожу с корабля на берег, внимательно смотрю себе под ноги...

Соломин вернул разговор в прежнее русло:

– Положение у нас создается аховое! Перегораживая реки, японцы не дают лососю подняться в верховья рек, от этого население внутри полуострова не сможет обеспечить себя запасами рыбы на зиму. Камчатку ожидает голод... В первую очередь погибнут, конечно, собаки. Камчатка лишится связи и основного транспорта, ибо без собак мы здесь – ничто!

Настроение у Кроуна заметно испортилось, но никакое красноречие Соломина не могло стронуть канонерку с рейда Петропавловска, чтобы заставить ее окунуться в промозглую слякоть Охотского моря... Кавторанг ответил Соломину:

– В вашем рассказе для меня нет ничего нового. Так было до вас, боюсь, что так будет и после вас. Но войдите и вы в мое положение. Обстановка к востоку и северу от Камчатки не менее напряженная, нежели в Охотском море – к западу от Камчатки. Только, ради бога, не подумайте, что я бюрократ, цепляющийся за пункты инструкции. У меня свои дела... Выпьем?

Соломин придвинул к нему свою рюмку.

– Вы куда сейчас?

– Заглянем в бухту Провидения.

– А что там стряслось?

– Какая-то загадочная шхуна без флага и маркировки зашла в поселок, матросы перестреляли половину мужчин, изнасиловали женщин, забрали всю пушнину и ушли, устроив на прощание пожар в чукотских ярангах. Если я не появлюсь там, люди окончательно потеряют веру в защиту от лица России.

– Я вас понимаю, – согласился Соломин.

Сидеть в прогретом калориферами салоне, попивая арманьяк, было, конечно, очень приятно, но, к сожалению, пора и честь знать. Андрей Петрович нехотя поднялся с дивана.

– Жаль, – вздохнул он. – Очень жаль... Я ведь ждал вас как манны небесной, мы все рассчитывали на канонерку.

Кроун отвел глаза и сказал:

– Простите. Я ведь только голова, а начальство – шея. Куда шея пожелает, туда и голова поворачивается...

Он увел «Маньчжура» в безбрежие океана.

* * *

Была середина июля (самый разгар лососевого нереста), когда из Большерецка прибыла полетучка: староста сообщал, что с Курил подошли японские флотилии, перегородив сетями устья Большой реки и Быстрой, – теперь браконьеры совсем затворили лососю проход к бере-

стилищам в глубине полуострова. Соломин даже не глянул на карту уезда – и без карты понятно, каким бедствием угрожает это японское нашествие...

За окном мелко моросило, желтоватый туманец напал с моря, погружая душу в уныние. Ночью над Камчаткой разразился страшный штормяга, который бушевал три дня, пока не сменился ровным, устойчивым норд-вестом. Когда «Маньчжур» вернулся из Провидения, ветер еще срывал с поверхности бухты белые охапки соленой пены, похожей на лохмотья свежей капусты.

Канонерка притащила на буксире избитую штормом японскую шхуну с измочаленным такелажом и разбитым рангоутом, но без команды. Соломин при свидании с Кроуном спросил:

– Как она вам досталась?

– Иду вдоль берега. Вижу – шхуна. Мотается в дрейфе, но с сетями. Японцы – паруса долой, сети обрубил, а на гафель – флаги: «Покажите широту и долготу места». Скажи на милость, какие талейраны выискались! Ведь берег у них под самым носом, определить пара пустяков. Но тогда надо признать, что забрались в чужие воды. Вот и притворяются, будто не знают, где находятся... Я не выдержал и тут же конфисковал шхуну.

Соломин неожиданно вспомнил:

– В прошлый раз я забыл просить вас, чтобы вы забрали из моего карцера одного бродягу золотоискателя.

– На мой бы характер – камень ему на шею да бултых за борт... буль-буль, и готово! Я за эти годы устал доставлять во Владивосток этих гужбанов. Тюрьма там – будто ее вылепили из каучука, – сажают туда, сажают... без конца!

Кавторанг спросил – как дела? На этот раз Соломин не стал уговаривать Кроуна, а молча выложил перед ним полетучку от большеерецкого старосты. Кавторанг вчитался в ее страдальческое содержание и начал мерить салон резкими шагами.

– Но до каких же пор?! – выкрикнул он. – Наконец, это уже натуральное свинство... Я думаю, нам хватит одной ночи, чтобы поджечь фланцы на гребных валах.

Эта фраза ничего не объяснила Соломину, а кавторанг открыл кран умывальника и ополоснул лицо забортной водой.

– Но учтите – я крут! – предупредил он, хватая с вешалки пышное махровое полотенце.

– Как мне понимать вас?

– Я же сказал русским языком, что за ночь успеем поджечь фланцы, а значит, утром я могу увести канонерку в Охотское море и там устрою разбойникам хорошую баню.

Соломин отреагировал на это – в растерянности:

– Я не желал бы стать причиной нагоняя, который вы получите от своего начальства за самовольное вхождение в Охотское море.

– Пустяки, – отшутился Кроун. – В конце концов, эполеты на моих плечах – это дело наживное, как и деньги...

«Маньчжур» ушел, а Блинов стал накаркивать беду:

– Как бы эти моряки Камчатку на попа не поставили! Кроун не пропадет, у него жена питерская аристократка, он служит и на всех свысока поплевывает. А вы можете пенсии лишиться, тогда на старости лет зубами еще нащелкаетесь.

– Да перестаньте, господин Блинов!

– Могу и перестать. Но предупреждаю: дело может кончиться международными осложнениями, вот и будет всем нам кишмиш на постном масле...

– Надеюсь, что до этого не дойдет, – отвечал Соломин, хотя в душе уже стал пугаться агрессивности Кроуна...

От Петропавловска до Большерецка, а потом из Большерецка до Петропавловска – путь немалый, и возвращения «Маньчжура» пришлось ждать до конца июля. Кроун не стал бросать якорей на рейде – он пришвартовал канонерку прямо к городскому причалу. Едва матросы

закрепили концы, как изо всех люков корабля, словно мусор из дырявого мешка, посыпались на берег японцы...

Их было много! Так много, что Соломин с трудом пробился через их горланящую толпу к корабельному трапу.

– Докладываю, – сообщил Кроун. – Большерецкий староста верно обрисовал картину. Когда я вышел к устью Большой, там царило настоящее варварство. Мне пришлось тараном разбить двенадцать японских кораблей, все их невода я утопил к чертовой матери, а команды браконьеров задержал для «декларации».

Кавторанг предъявил Соломину пачку протоколов о незаконном лове рыбы в русских территориальных водах.

– Капитаны японских шхун подписались охотно?

– Без принуждения! Вот протокол, вот тебе за неимением кисточки мое перышко рондо, ставь иероглиф. И они поставили.

Через открытые иллюминаторы в салон долетал возбужденный гам японцев. Соломин сказал:

– Я понимаю, что юридически все оформлено правильно, и не придерешься. Но что мне делать с этой японской оравой?

– А чем они виноваты? – ответил Кроун. – Я лично к ним зла не имею, они люди подневольные. Вы накормите их, обеспечьте ночлегом и постарайтесь скорее избавиться от них.

– Возьмите их себе и переправьте во Владивосток.

– Увы, дорогой, я ухожу до аляскинского Нома...

Соломин срочно повидался с Сотенным.

– Миша, – сказал он уряднику, – хоть тресни, а раздобудь посуды не меньше чем на двести персон.

– Господь с вами. Где я столько наберу?

– Где, где! – возмутился Соломин. – Обойди дома в Петропавловске и отбери у обывателей все тарелки.

– Ну, отберу. А наши с чего есть будут?

– Да из кастрюлек! Не велика жертва...

Японских рыбаков разместили в пустующих прибрежных пакгаузах, и они там устроились для ночлега, даже радуясь нечаянному отдыху. Хорошо, что на складах оказались запасы риса – его отдали японцам, они его сами и варили. Никакой охраны к ним Соломин не приставил, рыбаки в ней и не нуждались, ведя себя покорно и прилично, среди них не оказалось ни пьяниц, ни скандалистов. Но прошел срок, и Соломин уже начал поругивать Кроуна:

– Кто его об этом просил? Я надеялся, что он разгонит японцев – и только, а он обрадовался, что дело нашлось, и вот посадил мне на шею целый батальон дармоедов.

Блинов, человек практичный, предупредил Соломина, что никакой пароход не согласится задарма катать эту безденежную ораву из Петропавловска до Владивостока:

– Вот разве что случайно зайдет японский корабль.

– А если не зайдет?

– Тогда будут зимовать с нами и прожрут в бюджете Камчатки такую дырищу, что вы своим жалованьем ее не законопатите.

По вечерам японцы пели мелодичные грустные песни, а Соломин с растущей тревогой озирал несгораемый шкаф, где лежали (вместе с ключом) казенные суммы. Обывателям, кажется, уже поднадоело кормиться из кастрюлек! Но, к счастью, для Андрея Петровича, в Петропавловск вдруг зашло незнакомое судно.

– Кажется, «Котик», – пригляделся Блинов.

«Котик» принадлежал Камчатскому торгово-промысловому обществу, а курсы этого корабля, очевидно, прокладывались не столько в штурманской рубке, сколько в Петербурге в доме № 49 по Галерной улице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.